ПРАВО
Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского Авторского Общества
Ежеквартальный научно-практический журнал
2/2022

Охрана интеллектуальной собственности

Р.А. Будник

Нейроправо: интеллектуально-правовые и конституционные нормы 5

Российское право: нормы и практика

А.В. Ермаков

Права субъектов в виртуальной реальности 22

М.С. Лаврентьева, Н.Г. Пономарева

К вопросу об ответственности за нарушение режима секретности при патентовании изобретений, содержащих государственную тайну 40

Средства индивидуализации

С.А. Зуйков

«Свободное использование» товарных знаков 52

Р.И. Елагин

Правовое регулирование географических указаний и наименований мест происхождения товаров в Европейском союзе и в Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ 62

Промышленная собственность

Г.А. Негуляев

О требованиях к изображениям промышленных образцов при зарубежном патентовании 70

Авторское право

Н.Ю. Сергеева

Лекция преподавателя высшей школы как объект интеллектуальных прав и ее место в современных цифровых реалиях 90

Научная школа

Р.Ф. Гафуров

Становление доктрины недобросовестного использования (злоупотребления правом) в сфере защиты прав на товарные знаки в странах прецедентного права 107

Учредители

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Российское Авторское Общество

Редакционный совет

А. О. Аракелова; Б. М. Борисов (г. София, Республика Болгария); Ю. Л. Бошицкий (г. Киев, Украина); А. В. Данилов-Данильян; И. А. Дроздов; Ю. С. Зубов; Г. П. Ивлиев; Б. Б. Леонтьев; Н. З. Мазур; М. Массаро (г. Турин, Италия); К. С. Мауленов (г. Алматы, Казахстан); В. Н. Синельникова; Р. И. Ситдикова; С. А. Страдиня (г. Рига, Латвия); М. А. Федотов

Редакционная коллегия

Т. Т. Алиев; О. В. Видякина; А. Т. Волков; И. В. Дойников; А. В. Ермаков; С. С. Ипполитов; Е. О. Китаева; Е. В. Королева; А. Ю. Ларин; В. И. Мухопад; С. Г. Павликов; В. П. Павлов; В. С. Савина; А. Г. Серго; В. Р. Смирнова; Л. Н. Устинова

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-45608

Адрес редакции

Москва, 117279, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а. Тел.: (499) 743-01-64 доб. 164, http: journal.rgiis.ru. e-mail: journal@rgiis.ru

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК при Минобрнауки РФ с 28.12.2018 (специальности: 12.00.03, 08.00.05)

COPYRIGHT
2/2022
Bulletin of the Russian State Academy of Intellectual Property and Russian Authors Society
Quarterly Research and Practice Bulletin

Protection of intellectual property

R.A. Budnik
Neurolaw: intellectual property and constitutional norms 5

Russian law: norms and practice

A.V. Ermakov
Rights of entities in virtual reality 22

M.S. Lavrentyeva, N.G. Ponomareva
To the question of responsibility for violation of the secrecy regime when patenting inventions containing state secrets 40

Means of individualization

S.A. Zuykov
«Free use» of trademarks 52

R.I. Elagin
Legal regulation of geographical indications and appellations of origin in the European Union and the Russian Federation: a comparative legal analysis 62

Industrial property

G.A. Negulyaev
On the requirements for images of industrial designs for foreign patenting 70

Copyright

N.Yu. Sergeeva
Lecture by a teacher of higher education as an object of intellectual property rights and its place in modern digital realities 90

Scientific school

R.F. Gafurov
The Emergence of the Doctrine of Misuse (Abuse of Right) in the protection of trademark rights in countries of case law 107

Founding group
The Russian State Academy of Intellectual Property, Russian Authors Society

Editorial Board
A. O. Arakelova; B. M. Borisov (Sofia, Republic of Bulgaria); Yu. L. Boshitskiy (Kiev, Ukraine); A. V. Danilov-Danilyan; I. A. Drozdov; Yu. S. Zubov; G. P. Ivliev; B. B. Leontev; N. Z. Mazur; M. Massaro (Turin, Italy); K. S. Maulenov (Almaty, Kazakhstan); V. N. Sinelnikova; R. I. Sitdikova; S. A. Stradinya (Riga, Latvia); M. A. Fedotov

Editorial Staff
T. T. Aliev; O. V. Vidyakina; A. T. Volkov; I. V. Doinikov; A. V. Ermakov; S. S. Ippolitov; E. O. Kitaeva; E. V. Koroleva; A. Yu. Larin; V. I. Mukhopad; S. G. Pavlikov; V. P. Pavlov; V. S. Savina; A. G. Sergo; V. R. Smirnova; L. N. Ustinova

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС77-45608

Address of editorial office
h.55a, Miklukho-Maklaya st., 117279 Moscow. Tel.: (499) 743-01-64 доб. 164, http: journal.rgiis.ru. e-mail: journal@rgiis.ru

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation should be published from 28.12.2018 (12.00.03, 08.00.05)

Состав редакционного совета журнала «Копирайт»

1. Аракелова Александра Олеговна, д.иск., ФГБОУ ВО РГАИС, ректор, главный редактор;
2. Борисов Борислав Михайлович, д.э.н., профессор, директор Института интеллектуальной собственности и лидерства (г. София, Республика Болгария);
3. Бошицкий Юрий Ладиславович, к.э.н., профессор, ректор Киевского университета права НАН Украины (г. Киев, Украина);
4. Данилов-Данильян Антон Викторович, к.э.н., профессор НИУ ВШЭ, действительный государственный советник 1-го класса;
5. Дроздов Игорь Александрович, к.ю.н., Фонд «Сколково», председатель правления;
6. Зубов Юрий Сергеевич, к.пед.н., руководитель Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент);
7. Ивлиев Григорий Петрович, к.ю.н., президент Евразийского патентного ведомства (ЕАПВ) Евразийской патентной организации;
8. Леонтьев Борис Борисович, д.э.н., профессор, академик РАЕН, генеральный директор ЗАО «Федеральный институт сертификации и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса»;
9. Мазур Наталья Зиновьевна, д.э.н., генеральный директор ООО «ВКО-Интеллект»;
10. Массаро Мариэлла, европейский патентный поверенный, магистр европейского права, юридическая фирма Studio Legale Jacobacci & Associati, адвокат и партнер (г. Турин, Италия);
11. Мауленов Касым Сырбаевич, д.ю.н., профессор, Международный университет информационных технологий (г. Алматы, Казахстан);
12. Синельникова Валентина Николаевна, д.ю.н., профессор, НИУ ВШЭ;
13. Ситдикова Роза Иосифовна, д.ю.н., доцент, Казанский федеральный университет;
14. Страдиня Светлана Аркадьевна, д.э.н., Балтийская международная академия (г. Рига, Латвия);
15. Федотов Михаил Александрович, д.ю.н., профессор, член Союза журналистов России.

Состав редакционной коллегии журнала «Копирайт»

1. Алиев Тигран Тигранович, д.ю.н., профессор;
2. Видякина Ольга Валентиновна, к.э.н., доцент;
3. Волков Андрей Тимофеевич, д.э.н., профессор;
4. Дойников Игорь Валентинович, д.ю.н., профессор;
5. Ермаков Андрей Вячеславович, к.ю.н., доцент;
6. Ипполитов Сергей Сергеевич, д.ист.н.;
7. Китаева Елена Олеговна, к.иск.;
8. Королева Елена Владимировна, д.э.н., доцент;
9. Ларин Александр Юрьевич, к.ю.н., доцент;
10. Мухопад Владимир Иванович, д.э.н., профессор;
11. Павликов Сергей Герасимович, д.ю.н., профессор;
12. Павлов Владимир Павлович, д.ю.н., профессор;
13. Савина Виктория Сергеевна, д.ю.н., доцент;
14. Серго Антон Геннадьевич, д.ю.н., профессор;
15. Смирнова Вероника Ремовна, д.э.н., доцент;
16. Устинова Лилия Николаевна, д.э.н., профессор.

Копирайт, 2022, № 2, с. 5-21. ISSN 2307-2741
Copyright. 2022. No. 2. P. 5-21. ISSN 2307-2741

Охрана интеллектуальной собственности

Нейроправо: интеллектуально-правовые и конституционные нормы

Научная статья
УДК 342, 347

Руслан Александрович Будник [1, 2]
[1] Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
[2] Российско-Китайский центр сравнительного правоведения Университета «МГУ-ППИ в Шэньчжене», Москва, Россия
доктор юридических наук
rusbudnik@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8076-1560
ResearcherID: K-6138-2015

Аннотация. *В настоящей статье исследуется комплекс правовых проблем, связанных с нейрокомпьютерным моделированием. Обоснована интеллектуально-правовая природа нейрокомпьютерных технологий. Исследована проблема зависимости результата нейрокомпьютерного дизайна от правообладателя программного операционного ядра. Выполнен правовой анализ вариантов исключительного и неисключительного лицензирования программного комплекса для нейрокомпьютерной эмуляции личности с точки зрения обеспечения ее техно-*

логической автономии и юридической независимости от правообладателя нейросетевой платформы.

Ключевые слова: нейроправо, интеллектуальная собственность, нейросетевая платформа.

Для цитирования: Будник Р.А. Нейроправо: интеллектуально-правовые и конституционные нормы // Копирайт. 2022. № 2. С. 5–21.

Neurolaw: intellectual property and constitutional norms

Ruslan A. Budnik [1, 2]

[1] Russian State Academy of Intellectual Property,

[2] Russian-Chinese Center on Comparative Law of the University "MSU-PPI in Shenzhen", Moscow, Russia

Doctor of Law

rusbudnik@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8076-1560

ResearcherID: K-6138-2015

Abstract. *Achievements of neuroscience bring positive changes in medicine, education, business, and other spheres of life. At the same time, they deliver significant risks for society. UNESCO International Committee on Bioethics calls for ensuring rights to protect human brain activity. It recommends prohibiting the usage and transfer of brain activity data without informed and express consent of people. This article explores a set of legal problems associated with neurocomputer modeling. The intellectual and legal nature of neurocomputer technologies is substantiated. The paper investigates the dependence of neurocomputer designs on the owner of the technical platforms. The author fulfilled the legal analysis of the options for*

exclusive and non-exclusive licensing of a software kernel for neurocomputer emulation of a personality. Elaborated the terms aimed to ensure technological autonomy and legal independence for emulated minds from the owner of the neural network core.

Key words: neurolaw, intellectual property, neural network platform.

For citation: Budnik R.A. Neurolaw: intellectual property and constitutional norms // Copyright. 2022. No 2. P. 5–21.

В начале текущего века технологии компьютерного моделирования функций человеческого мозга находились на стадии первичного развития [1]. В течение двух прошедших десятилетий наблюдается стремительный прогресс нейрокомпьютерных методов. Результаты нейрокомпьютерных инноваций входят в повседневную практику в виде цифровых помощников, программных роботов, нейроинтерфейсов компьютерных игр [2] и даже вычислительных платформ, позволяющих имитировать личность человека. Уже сегодня проводятся успешные эксперименты по внедрению в мозг разнородной информации извне, например, помещение в него экзогенных данных и непрожитых воспоминаний. В обратном направлении также становится осуществимой передача информации силой мысли, например, отправка текста приемному устройству с помощью мозговых импульсов [3].

Нейротехнологии могут использоваться для определения параметров активности нервной системы, изучения функционирования мозга, диагностики заболеваний, компенсации нарушенных нейронных связей и контроля психической деятельности [4].

Многообещающие достижения связаны с нейрокомпьютерным интерфейсом «мозг-компьютер». Он представляет собой систему, которая сочетает в себе материально-технические компоненты (электроды) и алгоритмы искусственного

интеллекта, позволяющие считывать сигналы головного мозга и конвертировать их в импульсы управления внешними устройствами [5].

Вместе с позитивными проявлениями эффектов нейрокомпьютерного моделирования возрастают риски его общественно опасного и злонамеренного использования. В качестве таковых исследователи отмечают возрастающие риски противоправной слежки за людьми, манипулирования их поведением, влияния на их мысли и чувства. Международные и национальные инструменты защиты частной жизни и персональных данных существуют и действуют, однако законодательство в отношении специфических рисков, сопряженных с развитием нейронаук, отсутствует. Международные конвенции и соглашения в области прав человека также не покрывают таких аспектов этих прав, как, например, защита свободы воли, когнитивная свобода и психическая неприкосновенность [6].

Исследователи считают, что в таких условиях необходимо как можно скорее выработать ограничительные нормы и принципы, которые позволили бы устранить существующие в законодательстве пробелы и обеспечить эффективную защиту граждан мира от недопустимого использования данных об активности их мозга. К этому призывает Международный комитет ЮНЕСКО по биоэтике (далее – МКЮБ), который работает в рамках Организации Объединенных Наций с целью принятия международных инструментов регулирования сферы нейротехнологий [7].

Рекомендации Международного комитета ЮНЕСКО по биоэтике

Прогресс нейротехнологий придал новую актуальность Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека, которая была принята резолюцией Генеральной конференции

ЮНЕСКО 19 октября 2005 г. Данный правовой акт носит рамочный характер, и принципы, им провозглашенные, универсальны, они вполне применимы и работоспособны. Однако приемлемая на тот момент обобщенность формулировок требует в настоящее время конкретизации и развития для функционального регулирования отношений в тех областях трансгуманистических практик, которые перешли на стадию практической реализации [8].

Сегодня МКЮБ исходит из того, что нейротехнологии будут все чаще применяться в различных сферах жизни цивилизации, и считает необходимым провозгласить новый вид прав человека – «нейроправа», призванные защитить наш мозг от угроз, которые таит в себе развитие нейротехнологий, и включающих в себя ряд прав человека, уже признанных международным законодательством. Учитывая масштабы этих рисков, «нейроправам» следует уделить первоочередное внимание. В их основе лежит признание универсальных прав на физическую и психическую неприкосновенность, невмешательство во внутренний мир человека, свободу мысли и воли, а также право пользоваться благами научно-технического прогресса. В докладе МКЮБ также подчеркивается необходимость решать связанные с использованием нейротехнологий вопросы на принципах свободы и ответственности, без дискриминации, принуждения и насилия в любой форме.

Также рекомендуется отвести ЮНЕСКО ведущую роль в обеспечении права на защиту деятельности человеческого мозга и гарантии того, что регистрируемые данные не будут использоваться, обнародоваться и передаваться третьим лицам.

В настоящее время под руководством ЮНЕСКО идут международные обсуждения с целью выработки конкретных принципов, которые лягут в основу международных правовых инструментов регулирования сферы нейротехнологий.

Программная основа нейрокомпьютерного моделирования личности

Нейрокомпьютерное моделирование мыслительных процессов, сознания и личности в целом осуществляется посредством обучения разработанной для этой цели искусственной нейронной сети с использованием так называемых life-logging данных человека[1]. В процессе и результате обучения нейрокомпьютерная модель приобретает способность с большей или меньшей детальностью и достоверностью имитировать личностные характеристики оригинала посредством воспроизводства его коммуникативных паттернов, эмоциональных реакций и мыслительных процессов. В массив данных для обучения нейронного ядра включают максимально возможный объем информации, которая создана физическим оригиналом при жизни: статьи, книги, видеоролики, блоги, комментарии, телефонные разговоры, видеоконференции, чаты, фотографии, и прочие полезные данные.

Для обработки этого массива данных и генерации нейрокомпьютерная модель человека (далее – НМЧ) использует технические средства, которые представляют собой совокупность компьютерных программ, применяемых на соответствующих этапах процесса создания виртуальной личности. Эту совокупность программ и технологий, включая главную нейросетевую часть, можно определить в качестве нейрокомпьютерной основы личности (далее – НОЛ).

В рамках законодательства об интеллектуальных правах НМЧ представляет собой программу для ЭВМ, созданную с помощью других компьютерных программ – в данном случае на базе НОЛ. Основным документом, в котором определе-

[1] Life-logging (лайфлоггинг) представляет собой автоматическую регистрацию жизненной активности человека на цифровом носителе с помощью мобильной (носимой) электронной аппаратуры пользователя, оснащенной комплексом сенсоров и программным обеспечением для распознавания совершаемых действий.

ны правила и условия использования экземпляра программного продукта – конкретной копии НОЛ, является лицензионное соглашение. Отсюда со всей очевидностью вытекает вывод о том, что для легитимного, независимого и безопасного существования и функционирования оцифрованной личности критически важна юридическая чистота использования, положенного в ее основу нейросетевого ядра.

Для корректного оформления отношений с помощью соответствующей лицензии необходимо разобраться с категориями применимого программного обеспечения (далее – ПО). Компьютерные программы по основанию интеллектуальных прав на них делятся на проприетарные и свободные. Проприетарное ПО создано с целью извлечения прибыли посредством взимания платы за его использование, настройку, поддержку и прочие услуги. Правообладатель, как правило, не предоставляет пользователям доступ к исходному коду и возможность самостоятельно вносить изменения в проприетарное ПО. Имущественные и личные неимущественные права остаются за правообладателем, а пользователю передается лишь ограниченный набор прав на использование конкретного и точно идентифицируемого экземпляра проприетарного ПО.

Лицензии свободного и открытого ПО предоставляют пользователю больше прав и возможностей по внесению изменений в соответствии с четырьмя свободами Фонда свободного программного обеспечения, его исходный код открыт, однако все авторские права также остаются у издателя. Несмотря на открытость исходного кода, на основе свободного ПО работают сервисные бизнес-модели, позволяющие получать доход.

Создание такого наукоемкого ПО, как НОЛ, требует привлечения наиболее квалифицированных специалистов мира и значительных финансовых инвестиций, которые необходимо окупить с прибылью. Логично предположить, что в рамках

рыночной экономики услуги по нейрокомпьютерному моделированию конкретной личности будут оказываться на коммерческой основе с помощью специально разработанного проприетарного ПО.

Варианты лицензирования нейросетевой основы личности

Правообладатель проприетарного ПО сохраняет за собой право вносить изменения в него по собственному усмотрению для устранения ошибок, развития функциональности, обеспечения совместимости с аппаратными и программными средствами. Такое положение дел фактически позволяет правообладателю НОЛ ненамеренно или умышленно вмешиваться в функционирование НМЧ, созданной на его основе. В случае признания право- и дееспособности НМЧ сомнение в аутентичности совершенных действий может стать основанием для их оспаривания и признания недействительными. При этом правильно оформленные лицензионные отношения снижают вероятность этих угроз.

Теоретически и практически возможны два основных варианта лицензирования проприетарного ПО. Первый вариант – это исключительное лицензирование единственным лицензиатом, которое равнозначно отчуждению ПО в пользу такого приобретателя. Второй вариант – это простая неисключительная лицензия на использование экземпляра ПО, все права на которое остаются у правообладателя. Первый вариант представляется наименее вероятным для рядового клиента вследствие того, что цена отчуждения ПО слишком высока и такие сделки обычно совершаются с участием крупных технологических корпораций в рамках реализации их стратегий по слияниям и поглощениям. Тем не менее необходимо исследовать оба возможных варианта.

Исключительная лицензия на ПО нейросетевой основы личности

Приобретение исключительной лицензии на НОЛ означает перемену правообладателя, а приобретатель становится единственным владельцем имущественного права на это ПО [9]. Заказчик создания нейрокомпьютерной модели личности при наличии достаточных средств имеет возможность выступить в качестве эксклюзивного приобретателя программного ядра. Статус правообладателя НОЛ исключает имущественные претензии со стороны третьих лиц. Кроме того, он дает приобретателю право и возможность организовать поддержку, модификацию и улучшение этой платформы по своему усмотрению.

Однако как быть с личными неимущественными или моральными правами разработчиков этого ПО? В этом вопросе существуют принципиальные различия в отношении стран общего права и государств с правовыми системами, основанными на романо-германской правовой традиции.

Одни страны признают неимущественные права только на произведения изобразительного искусства, и там риски, связанные с соблюдением моральных прав разработчиков ПО, невелики. Страны англо-американской правовой семьи признают моральные права на программное обеспечение, которые в случае создания софта по трудовому договору принадлежат наемному сотруднику [10]. Соответственно, в таких странах имеет место проблема соблюдения неимущественных прав разработчиков. На практике, проблема неимущественных прав разработчиков решается с помощью возмездного договора между работодателем и сотрудниками, об их добровольном письменном отказе от своих моральных прав [11]. Здесь необходимо отметить, что интеллектуально-правовая традиция стран общего права принципиально допускает отчуждение личных неимущественных прав автора, а также

предусматривает возможность наделения авторскими правами юридических лиц, компаний и корпораций.

Страны континентальной правовой традиции признают за исполнителем – наемным работником имущественные и личные неимущественные права на произведения, которые созданы по найму или контракту [12]. При этом в отношении программного обеспечения в ряде стран континентальной правовой традиции существуют исключения. Например, в Китае, Франции, Германии и России имущественные права на ПО, которое разработано в рамках служебных обязанностей, принадлежат работодателю. В то же время за сотрудником – автором признаются личные неимущественные права, которые к тому же неотчуждаемы. При этом авторы не правомочны уступать свои личные неимущественные права и отказываться от них. Нормы о личных неимущественных правах опираются на положения Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений (далее – Бернская конвенция), которые делают невозможным отказ от них, а также их передачу в пользу приобретателя даже в рамках договора об отчуждении ПО.

Таким образом, положения общего права делают возможной полную передачу всех экономических и моральных прав интеллектуальной собственности на НОЛ в пользу приобретателя. Нормы интеллектуальной собственности правовой семьи так называемого civil law не позволяют этого сделать в отношении личных неимущественных прав, поэтому даже после отчуждения исключительных имущественных прав, неимущественные правомочия разработчиков операционной системы будут распространяться на виртуального человека, созданного на этом базисе. Страны правовой семьи civil law в силу действующей в них дуальной доктрины интеллектуальных прав не в состоянии обеспечить абсолютную юридическую независимость оцифрованной личности.

Неисключительная лицензия на ПО нейрокомпьютерной основы личности

Известно, что программы для ЭВМ охраняются как литературные произведения. Согласно Бернской конвенции, Женевской конвенции и другим актам международного права об интеллектуальной собственности, если произведение создается на основе другого произведения, то полученный результат квалифицируется в качестве производного произведения. В случае программных продуктов этот принцип применяется аналогично тому, как он работает в отношении литературных и иных художественных работ. Есть основания полагать, что если НМЧ будет создана как одна из версий другого программного продукта – НОЛ, то полученный результат может быть квалифицирован в качестве модификации исходного произведения, либо производного произведения.

Модификация программного обеспечения означает его изменение в одной из следующих форм: адаптация, корректирующая модификация, совершенствующая модификация. Среди них только совершенствующая модификация может частично относиться к НМЧ на основе предварительно разработанного нейросетевого ядра. Критерий, который не позволяет квалифицировать такой результат, как НМЧ в качестве адаптации либо коррекции исходного ПО, состоит в том, что эта операция не предполагает возникновения нового оригинального произведения, уникального творческого артефакта, что де-факто происходит при создании НМЧ.

Иная картина складывается относительно производного произведения, которое признается отдельным произведением, охраняемым независимо от оригинального, если переработка исходного произведения является существенной и в достаточной степени отражает личность ее автора. Производная работа сама по себе должна быть результатом творческого труда, умений и суждений ее автора. Для того чтобы

считаться новым и охраняемым авторским правом произведением, производная работа должна существенно отличаться от предшествующей работы и содержать значительное количество оригинального материала.

Вышеуказанные критерии производного произведения делают этот правовой концепт наиболее адекватным для юридической квалификации НМЧ, созданной с использованием предразработанного нейрокомпьютерного ядра. Использование базы персонифицирующих данных конкретного человека для обучения нейронной сети обеспечивает необходимую степень новизны производного объекта и охрану авторским правом. Исходя из того, что НМЧ с правовой точки зрения может рассматриваться в качестве производного произведения, имеет смысл разработать специальные условия неисключительной лицензии для повышения уровня независимости и автономности этого объекта от производителя НОЛ.

Автором статьи предлагаются следующие условия лицензионного соглашения для повышения суверенитета НМЧ.

Во-первых, лицензиар предоставляет лицензиату право создать производное произведение на основе своего исходного программного обеспечения (НОЛ), с использованием базы персонифицирующих данных. Во-вторых, все интеллектуальные права на производное произведение, включая имущественные и личные неимущественные правомочия, принадлежат владельцу базы персонифицирующих данных, использованной для НМЧ. При этом авторы программного операционного ядра должны заявить о добровольном отказе от своих личных неимущественных прав на полученный производный продукт. Данное положение будет иметь силу только в странах общего права. В-третьих, лицензиар оставляет за собой все права интеллектуальной собственности на исходное немодифицированное программное обеспечение, включая право лицензировать продукт на свободном рынке.

Эти условия могут сбалансировать интересы договаривающихся сторон и обеспечить минимально необходимый уровень юридической независимости и технологической автономии НМЧ от правообладателя базовой технологии. С учетом того факта, что при использовании простой неисключительной лицензии правообладатель операционной системы сохраняет имущественные права, а авторы-разработчики – личные неимущественные права, необходимо ответить на следующий вопрос: какие правовые механизмы могут обеспечить юридическую независимость НМЧ в случае приобретения неисключительной лицензии на использование технологического ядра?

Нейрокомпьютерная модель человека как произведение в общественном достоянии

Другая теоретически возможная юридическая интерпретация НМЧ – это произведение, созданное компьютером (computer generated work). Концепция произведения, которое сгенерировано компьютером, состоит в том, что такая творческая работа создана вычислительной машиной, т.е. физическое лицо не является ее автором. При этом в большинстве государств мира, включая Россию, законодательство об интеллектуальных правах предполагает, что автором может признаваться только физическое лицо, конкретный человек и гражданин. В этой связи некоторые исследователи говорят о том, что созданные компьютером произведения необходимо считать находящимися в общественном достоянии [13].

Условия для помещения произведения в домен общественного достояния предполагают, что права на произведение истекли, либо автор намеренно и осознанно передал произведение в общественное достояние, либо доктрина интеллектуальных прав, включая авторское право и смежные права, к произведению неприменима. Критерий неприменимости

авторского права к определенному типу нематериальных объектов может потенциально быть распространен на НМЧ. Причисление НМЧ к произведениям, находящимся в общественном достоянии, исключает любые возможные претензии к ним, связанные с интеллектуальными правами третьих лиц. Данный подход теоретически может составить альтернативу методу обеспечения суверенитета НМЧ с помощью лицензионных условий.

Между тем законодательной базы для отнесения НМЧ к общественному достоянию на сегодняшний день не существует. Представляется, что современному обществу необходимо создать правовые основы регулирования нейрокомпьютерных трансгуманистических практик. Суть этих основ должна заключаться в ограничении прав интеллектуальной собственности на НМЧ для всех, кроме человека-оригинала, либо его официального представителя. Можно назвать это правило исключительным правом на самовоспроизведение. Квалификационным признаком для признания гражданина правообладателем НМЧ должна стать доказанная принадлежность ему персонифицирующих данных, использованных при нейросетевом моделировании личности. При этом сама база персонифицирующих данных заслуживает того, чтобы быть доктринально признанной в качестве нового объекта авторских прав.

Такая существенная модернизация действующей доктрины интеллектуальной собственности требует веских аргументов в ее пользу. Тот факт, что технологии никогда раньше не проникали настолько глубоко в жизнь человека, а сегодня они позволяют воспроизвести его личность, может быть принят обществом в качестве достаточно убедительного обоснования для реформации института интеллектуальных прав в части регулирования нейрокомпьютерных трансгуманистических практик.

Конституционное оформление нейроправ

Взаимное влияние и обусловленность права интеллектуальной собственности и формирующегося института нейроправ свидетельствует о переходе проблемы регулирования нейрокомпьютерных технологий в практическую плоскость соотношения с другими ветвями и институтами права.

Например, процесс включения нейроправовых норм в конституцию как основной закон страны развивается в Республике Чили. В 2021 г. сенат этой страны одобрил законопроект о внесении в конституцию поправки, направленной на защиту нейроправ, связанных с психической деятельностью человека. В сентябре того же года закон в новой редакции был одобрен палатой депутатов. Для вступления в силу он должен также быть подписан президентом страны. Если это произойдет, то Чили сможет стать первой страной, где психическая неприкосновенность, свобода воли и право на доступ к нейротехнологиям всех граждан без какой-либо дискриминации будут охраняться законом [14]. Цель такой законодательной инициативы в том, чтобы наделить данные, генерируемые человеческим мозгом, статусом органа и оградить их от неправомерных действий.

Одновременно с этим в стране рассматривается проект конституционной реформы, предусматривающей внесение поправки в Конституцию Чили с тем, чтобы защитить мозг от вмешательства с помощью достижений и возможностей, полученных в результате развития нейротехнологий. Принятие таких юридических инструментов может показаться преждевременным, поскольку на данный момент возможности нейротехнологий в плане воздействия на человеческий мозг ограничены. Однако эксперты бьют тревогу уже сейчас, заявляя о необходимости принятия соответствующих нормативных правовых документов до того, как вмешательство в психику станет повсеместной практикой.

В заключение отметим, что отсутствие правовых норм в сфере нейротехнологий беспокоит законодателей многих стран мира. Его рассмотрением занимается также Организация Объединенных Наций.

Законодательство в этой сфере должно быть достаточно общим и гибким, чтобы своевременно адаптироваться к новым технологическим достижениям и обеспечивать эффективную защиту граждан. Проблема заключается в том, что в инициативных законопроектах нет однозначного определения того, что такое психическая деятельность или нейронные связи. Другой важный вопрос, который должен быть урегулирован законодательством в области нейронаук, это механизм информированного согласия граждан. Перед тем как согласиться на использование в отношении себя устройства или приложения, регистрирующего данные о их поведении, потребители должны иметь возможность принять взвешенное решение, основанное на ясном понимании того, как именно эти данные будут использоваться. Еще один требующий законодательного урегулирования вопрос касается того, что достижения в области нейротехнологий были доступны большинству граждан мира, а не только привилегированному меньшинству.

Список источников / References

1. Yamaura H., Igarash J., Yamazaki T. (2020). Simulation of a Human-Scale Cerebellar Network Model on the K Computer. Frontiers in Neuroinformatics. 4. https://doi.org/10.3389/fninf. 2020.00016.
2. Gonfalonieri A. (2020). What Brain-Computer Interfaces Could Mean for the Future of Work. *Harvard Business Review.* 10.
3. Daya R.N., Dukes M.N., Pantanowitz A. (2020). The brain as a network cable: Transmission of a modulated optical signal between two computers via the human brain. *Informatics in Medicine Unlocked.* Vol. 21. https://doi.org/10.1016/j.imu.2020.100490.

4. Ligaard J., Sannæs J. & Pihlstrom L. (2019). Deep brain stimulation and genetic variability in Parkinson's disease: a review of the literature. npj Parkinsons Dis. 5, 18. https://doi.org/ 10.1038/s41531-019-0091-7.
5. Minassian K., McKay W.B., Binder H. et al. (2016). Targeting Lumbar Spinal Neural Circuitry by Epidural Stimulation to Restore Motor Function After Spinal Cord Injury. *Neurotherapeutics* 13, 284–294. https://doi.org/10.1007/s13311-016-0421-y.
6. Ienca M., Andorno R. (2017). Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology. *Life Sci Soc Policy* 13, 5. https://doi.org/10.1186/s40504-017-0050-1.
7. Report of the International Bioethics Committee of UNESCO (IBC) on ethical issues of neurotechnology (2021), 56. Retrieved at https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000378724. locale=ru.
8. Grzegorz Osinski. Theological and Ethical Aspects of Mind Transfer in Transhumanism. Scientia at Fides. February 15, 2021. http://dx.doi.org/10.12775/SetF.2021.005.
9. Newman C.M. (2013). An Exclusive License Is Not an Assignment: Disentangling Divisibility and Transferability of Ownership in Copyright. 74. *La. L. Rev*. at 61.
10. Evenden R. (2001). Copyright protection of computer programs in Australia. ANZCompuLawJl 7; 43 *Computers & Law*. Retrieved at http://classic.austlii.edu.au/au/journals/ANZCompuLawJl/2001/7.html.
11. Kerr P.B. (2007). Computer software law in Canada. Retrieved at http://users.trytel.com/~pbkerr/computer.html.
12. Baldwin P. (2016). The Copyright Wars. Three Centuries of Trans-Atlantic Battle. Princeton University Press. P. 1–14.
13. Basri N. (2020). The Question of Authorship in Computer-Generated Work. Penn Law. Retrieved at https://www.law.upenn.edu/live/news/9691-the-question-of-authorship-in-computer-generated.
14. Al-Rodhan N. (2021).The Rise of Neurotechnology Calls for a Parallel Focus on Neurorights. *Scientific American*. Retrieved at https://www.scientificamerican.com/article/the-rise-of-neurotechnology-calls-for-a-parallel-focus-on-neurorights.

Статья поступила 23.03.2022, принята к публикации: 01.04.2022.

© Будник Р.А., 2022

Копирайт, 2022, № 2, с. 22-39. ISSN 2307-2741
Copyright. 2022. No. 2. P. 22-39. ISSN 2307-2741

Российское право: нормы и практика

Права субъектов в виртуальной реальности

Научная статья
УДК 347.121.2

Андрей Вячеславович Ермаков
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности, Москва, Россия
кандидат юридических наук, доцент
Yermakov@veritaslex.ru
ORCID: 0000-0002-7909-2301

Аннотация. *В статье рассмотрены возможности применения к объектам гражданских прав в цифровой реальности субъективных правомочий, входящих в состав институтов права собственности и исключительных прав. Сделан вывод о допустимости распространения правомочий, входящих в состав исключительного права (использование, распоряжение и запрет) на виртуальные объекты, а также о некорректности применения в цифровом континууме проприетарной конструкции, в первую очередь, в связи с невозможностью осуществления правомочия владения в отношении нематериальных цифровых объектов. Предлагается рассмотреть допустимость использования института исключительных прав при регулировании иных нематериальных объектов (таких*

как безналичные деньги и бездокументарные ценные бумаги), в отношении которых в настоящее время применяются положения о праве собственности.

Ключевые слова: исключительные права, право собственности, цифровые права, виртуальное имущество, проприетарная конструкция прав на нематериальные объекты.

Финансирование: работа выполнена в рамках НИР 5-ГЗ-2022 «Рынок нематериальных объектов гражданского права в цифровой среде: выработка научно обоснованной концепции правовой регламентации отношений провайдеров и потребителей в контексте развития технологий искусственного интеллекта».

Для цитирования: Ермаков А.В. Права субъектов в виртуальной реальности // Копирайт. 2022. № 2. С. 22–39.

Rights of entities in virtual reality

Andrey V. Ermakov
Russian State Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russia
PhD in Law, Associate Professor
Yermakov@veritaslex.ru
ORCID: 0000-0002-7909-2301

Abstract. *This article discusses the possibility of applying to of objects of civil rights in digital reality the subjective powers that are part of the institutions of property rights and exclusive rights. Based on the analysis, a conclusion was made about the admissibility of extending the powers included in the exclusive right, such as use, disposal and prohibition, to virtual objects. At the same time, a conclusion is made about the incorrectness of the use of a proprietary design in the digital continuum, primarily due to the impossibility of exercising the right of possession in relation to intangible digital*

objects. It is also proposed to consider the admissibility of using the institution of exclusive rights in the regulation of other intangible objects (such as non-cash money and paperless securities) in respect of which the provisions on the right of ownership are currently applied.

Key words: exclusive rights, property right, digital rights, virtual property, proprietary construction of rights to intangible objects.

Funding: The work was carried out within the framework of research work 5-GZ-2022 "The market for intangible objects of civil law in the digital environment: the development of a scientifically based concept of legal regulation of relations between providers and consumers in the context of the development of artificial intelligence technologies."

For citation: Ermakov A.V. Rights of entities in virtual reality // Copyright. 2022. No 2. P. 22–39.

На протяжении исторического развития правового континуума юристы, как ученые, так и практики, сталкивались с наличием пробелов в регулировании общественных отношений. Данная проблема возникала как в связи с появлением новых, ранее неизвестных, объектов правового регулирования и невозможностью урегулировать все и сразу, так и с обычными дефектами законодательной техники. Законодатель либо «изобретал» новые механизмы регулирования, либо модифицировал уже известный правовой инструментарий.

Однако на рубеже тысячелетий в связи с появлением виртуальной среды, которая как в повседневной жизни, так и в гражданском обороте стала занимать все более значительное место, задача модификации законодательства, восполнения существующих пробелов стала актуальной как никогда.

Именно поэтому вопросы определения места новых виртуальных правовых феноменов и проблемы их регулирования оказались предметом исследования ведущих российских ученых-правоведов. Нашли отражение они и в новом российском

законодательстве. В частности, в число объектов гражданских прав были введены цифровые права. Несмотря на то, что данная новация вызвала ряд возражений и дискуссий, нельзя не признать, что существует целый ряд объектов, которые условно могут быть названы цифровыми, возникающих, существующих и прекращающих существование в рамках информационной системы.

К таковым можно отнести криптовалюту, виртуальное игровое имущество, токены и, видимо, искусственный интеллект (в данной статье они в совокупности будут именоваться виртуальным/цифровым имуществом). Эти объекты не являются правами, т.к. существуют реально, пусть и в цифровом пространстве. Их можно увидеть, зачастую как компьютерный код, и они требуют формирования новых правовых подходов.

Однако, признавая сам факт существования объектов гражданских прав в цифровой реальности, не стоит забывать, что, по точному выражению Е.А. Суханова, «смысл категории объектов гражданских правоотношений (объектов гражданских прав) заключается в установлении для них определенного гражданско-правового режима… Именно правовым режимом (а не своими физическими свойствами) отличаются друг от друга различные объекты гражданского оборота, и именно эта их сторона имеет значение для гражданского права» [1, с. 336].

Таким образом, помимо самого факта признания существования данных правовых феноменов, определения их сущности, необходимо понять, какими правовыми возможностями должен обладать субъект в отношении виртуальных объектов. Именно эта проблема, зачастую остающаяся за пределами рассмотрения ученых-юристов, и является предметом настоящей статьи.

Субъективные права на виртуальные объекты

В попытке определиться с подходом к рассматриваемой проблеме, прежде чем «изобретать» новые правовые институты, придумывать схемы их инкорпорации в российское право, представляется разумным сначала проанализировать возможность применения уже существующего, детально разработанного, инструментария к новым явлениям правовой реальности.

Учитывая тот факт, что цифровые объекты имеют стоимостную оценку и участвуют в гражданском обороте, т.е. являются, по сути, имуществом, презюмируется возникновение у субъектов правоотношения субъективных имущественных прав на них.

Законодательству известно два основных вида прав, опосредующих принадлежность того или иного объекта субъекту правоотношения – право собственности и исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Указанные права, хотя и носят имущественный характер, различаются в значительной степени по правомочиям, которыми обладают реализующие их субъекты. Соответственно, логичным представляется проанализировать возможность применения данных правовых конструкций и к цифровым объектам.

При этом, учитывая, что право собственности является базовым имущественным правом, возможность его распространения на виртуальные объекты должна быть рассмотрена в первую очередь. Анализ упрощается тем, что по поводу содержания субъективных прав собственника в науке сложился консенсус. Он сводится к классической триаде – владение, пользование и распоряжение. Данный подход подтверждается и ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Безусловно, существуют и иные мнения.

В частности, предлагается дополнить классическую триаду правом на управление имуществом [2, с. 433–434]. Однако широкого распространения данные взгляды не получили, и стоит согласиться с позицией Е.А. Суханова, заключающейся в том, что названные правомочия исчерпывают все предоставленные собственнику возможности, которые при этом могут реализовываться различными способами, осуществляться в различных формах [1, с. 44].

Виртуальное имущество и вещное право (право собственности)

Пытаясь оценить возможность владения, пользования и распоряжения виртуальными объектами, необходимо определиться с самим смыслом указанных юридических понятий. При этом, как и в ряде других случаев, учитывая достаточно большое разнообразие взглядов, представляется правильным основное внимание уделить господствующей концепции, ограничив проводимый анализ поставленной целью – определением корректности применения вещно-правового подхода к виртуальным объектам.

Руководствуясь данным подходом, под **владением** следует понимать возможность фактического обладания собственником принадлежащим ему имуществом [2, с. 432]. Под правомочием **пользования** – обеспечиваемую законом возможность извлекать из имущества его полезные свойства, которые в нем заложены и необходимы собственнику для удовлетворения его потребностей [3, с. 239].

В свою очередь, **распоряжение** – это юридически обеспеченная возможность определить судьбу вещи путем совершения юридических актов в отношении этой вещи [4, с. 406].

Пытаясь применить указанную конструкцию в виртуальной среде, пользователь сталкивается с невозможностью осуществлять правомочие владения, т.к. физически господство-

вать над виртуальным объектом невозможно. Обладатель прав на данный объект владеет не им, а правами на него. В какой-то степени объектом владеет не пользователь, а лицо, администрирующее программу, результатом действия которой является появление виртуального объекта и возможности совершения различных юридических актов в его отношении. Однако и в данном случае говорить о физическом обладании виртуальным контентом не приходится. Его нельзя потрогать руками, у него отсутствует материальная форма (это относится и к игровому имуществу, и к криптовалюте, и к другим продуктам виртуальной среды). Более того, с точки зрения права, владение должно быть основано на законе, юридически обеспечено. Лицо, администрирующее в виртуальном пространстве такие объекты, имея фактическую возможность управлять виртуальным имуществом, не должно быть наделено соответствующими юридическими полномочиями. Эти полномочия должны быть у пользователя. Таким образом, как и в случае с интеллектуальной собственностью, правомочие владения не может быть реализовано в отношении виртуальных объектов, оно не дает, по сути, никаких правовых возможностей в отношении рассматриваемой категории имущества.

И уже исходя из этого, попытки применения правомочий, входящих в содержание права собственности, и института права собственности в целом к виртуальному имуществу юридически несостоятельны.

Рассматривая второе правомочие – правомочие пользования, и возможность его реализации в отношении цифровых объектов, следует признать, что у обладателя прав на виртуальное имущество есть юридическая возможность извлекать из него полезные свойства (например, пользоваться (играть) юнитами в компьютерной игре), т.е. он является фактическим пользователем объектов, находящихся в виртуальном пространстве. Как ни странно, данная посылка косвенно подтвер-

ждается компьютерным сленгом, в котором правообладатель именуется пользователем.

Возможно в отношении виртуального имущества и осуществление правомочия распоряжения (например, оплата товара криптовалютой). Однако, как и в случае с результатами интеллектуальной деятельности, это должно быть распоряжение правами на объект, а не самим объектом, т.к. фактические действия с самим виртуальным имуществом осуществляет не обладатель прав на него, а администратор программы по поручению правообладателя.

Таким образом, спецификой распоряжения в данном случае является то, что данная возможность основана на правовой связи между правообладателем и лицом, администрирующим программу, связи, вытекающей из договора между ними. Следовательно, можно однозначно утверждать, что правообладатель имеет возможность определять юридическую судьбу виртуального имущества, но не может самостоятельно совершать фактические действия с ним. Он способен только отправлять команды лицу, имеющему соответствующие технические возможности. Это лишний раз подчеркивает отсутствие физического господства правообладателя над виртуальным объектом.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что, несмотря на то, что правомочия пользования и распоряжения укладываются в структуру правоотношений, возникающих по поводу виртуальных объектов, в отсутствие правомочия владения проприетарная конструкция прав к виртуальному имуществу неприменима.

И, следовательно, в качестве альтернативы, существующей в правовом поле, логично рассмотреть возможность использования механизма исключительного права применительно к данным объектам.

Виртуальное имущество и исключительное право

При попытке применить конструкцию исключительного права к объектам виртуального мира становится очевидной проблема отсутствия его легальной дефиниции.

Не пытаясь сформулировать собственное определение исключительного права, представляется возможным за основу взять наиболее простое из существующих, и именно поэтому объединяющее большинство подходов к данному правовому институту. В соответствии с ним исключительное право – это абсолютное по своему характеру субъективное гражданское имущественное право на нематериальные объекты (результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации) [5, с. 126].

И хотя сфера применения данного права в приведенной дефиниции ограничена только результатами интеллектуальной деятельности и средствами индивидуализации, учитывая нематериальный характер цифрового имущества, очевидно, что отсутствует принципиальная невозможность использования данной конструкции и в правоотношениях, возникающих в виртуальной реальности. При этом совершенно не обязательно для применения данного правового института к объектам виртуальной реальности относить последние к результатам интеллектуальной деятельности, т.к. одни и те же субъективные права могут возникать в отношении объектов, имеющих различную юридическую природу (например, распоряжаться можно как вещами, так и правами на средства индивидуализации).

Вместе с тем, принимая данное определение за основу дальнейшего анализа, необходимо учитывать то, что исключительное право – это право субъективное, и, следовательно, для понимания его сущности следует провести анализ правомочий, составляющих его содержание.

Большинство ученых признают в составе исключительного права наличие двух субъективных правовых возможностей – права использования и права распоряжения. При этом с оговоркой, что распоряжение происходит в отношении исключительного права на объект, а не самого результата интеллектуальной деятельности [5, с. 127; 6, с. 48; 7, с. 79–80], который является необоротоспособным.

При этом ряд ученых включают в содержание исключительных прав и иные правомочия. Так, Э.П. Гаврилов считает, что «основой исключительного права является право запрета: правообладатель запрещает любому лицу использовать охраняемый объект» [8, с. 15]. Данной позиции придерживается и И.А. Зенин [9, с. 30].

М.А. Рожкова предложила включить в исключительное право правомочие обладания, под которым она понимает «возможность для управомоченного субъекта иметь в распоряжении исключительные права на этот объект и, соответственно, требовать должного поведения от обязанных лиц» [10].

Это лишний раз подчеркивает обоснованность вывода о том, что «теория интеллектуальных (а не только исключительных!) прав, по существу, только формируется» [11, с. 96], и в трактовке ее содержания нет единства.

Пытаясь определить содержание данных прав, представляется возможным начать с самого спорного из предложенных правомочий – права обладания.

Исходя из данного М.А. Рожковой определения, можно сформулировать несколько возражений, которые ставят под сомнение его право на существование, по крайней мере, в предложенной трактовке.

Так, в рамках разработанной данным автором концепции не до конца понятно, какие дополнительные правовые возможности оно дает субъекту интеллектуальных прав, поскольку возможность для управомоченного субъекта распоряжаться исключительными правами на объект интеллекту-

альных прав заложена в его правосубъектности, а возможность требовать должного поведения от обязанных лиц совпадает с правом на запрет.

Принимая во внимание изложенное, неудивительно, что данное правомочие признается далеко не всеми специалистами и, видимо, требует детальной дополнительной проработки.

Возвращаясь к анализу правомочий, существование которых в настоящее время в доктрине не ставится под сомнение, логично начать с использования, т.к., с одной стороны, его наличие общепризнано, а, с другой, в отличие от правомочия распоряжения, оно является специфичным именно для исключительного права.

Однако для того, чтобы понять, какие существенные характеристики оно имеет, необходимо отграничить его от сходного правомочия, фигурирующего в законодательстве, – правомочия пользования, которое является составной частью права собственности.

Данный вопрос является не столь простым и требует серьезной проработки. И если дефиниция пользования в том виде, в котором она рассматривается в настоящей работе, является устоявшейся, то определение термина «использование» не имеет столь длительной истории и, соответственно, трактуется различными специалистами по-разному.

Анализируя его значение, необходимо отметить, что подход к данному понятию и объему правовых возможностей, реализуемых в его рамках, менялся с течением времени.

Так, Основы Гражданского законодательства СССР от 1991 г. в редакции Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 09.07.1993 № 5352-I,[1] которые субсидиарно применялись и в России, не содержали упоминания каких-либо иных правомочий правообладателя, кроме права использова-

---

[1] См. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102011632&rdk=&backlink=1 (дата обращения: 20.04.2022).

ния. Данная тенденция сохранялась и в дальнейшем. В Патентном законе Российской Федерации[2] и Законе Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах»[3], которые были приняты в 1992 г. и 1993 г. соответственно, упоминание об иных правомочиях в рамках исключительного права отсутствовало в принципе. Правообладатель мог только использовать результаты своей интеллектуальной деятельности.

Данный факт нашел отражение и в научной литературе. В 2000 г. О.В. Калятин в своей книге «Интеллектуальная собственность (Исключительные права)», раскрывая имущественные права авторов, приравнивал их к праву на использование произведения [12, с. 75]. При этом во вступительной статье к данной монографии В.А. Дозорцев выделил правомочие распоряжения правами на интеллектуальную собственность как самостоятельное [12, с. 9].

Более того, уже в 2005 г. Э.П. Гаврилов в статье «Конституция Российской Федерации и ГК РФ как основные источники права интеллектуальной собственности» писал следующее: «Остается неясным, сводится ли исключительное право… только к праву на использование указанных объектов, или оно включает и некоторые иные правомочия (например, право на распоряжение, о котором идет спор в научной литературе)» [13].

В дальнейшем вторая точка зрения стала общепринятой, и в настоящее время сомнений в существовании самостоятельного правомочия по распоряжению правами на результаты интеллектуальной деятельности, как в доктрине, так и в законодательстве нет.

---

2 См. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102018633&rdk=0 (дата обращения: 20.04.2022).

3 См. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102024774&backlink=1&&nd=102024768 (дата обращения: 20.04.2022).

Однако, как уже было отмечено, научная мысль на этом не остановилась. Правомочия продолжают дробиться[4].

При этом право использования как базовое, основное сохраняется, что представляется достаточно парадоксальным, принимая во внимание тот факт, что с появлением новых правомочий, очевидно, должны быть скорректированы и правовые возможности субъектов в рамках ранее имевшихся правовых институтов. Однако данная проблема лежит вне рамок настоящей статьи.

Возвращаясь же к попытке определения понятия «использование», можно согласиться с дефиницией, предложенной М.А. Рожковой, в соответствии с которой использование – это возможность для правообладателя (обладателя абсолютных прав) осуществлять самостоятельные действия по практическому применению объекта [10]. Иначе говоря, возможность самостоятельно извлекать из объекта полезные свойства. Данное определение, по сути, может быть применено и к правомочию собственника по пользованию имуществом. Оно универсально подходит к обеим рассматриваемым правовым возможностям.

Исходя из этого и принимая во внимание ранее проведенный в настоящей статье анализ правомочий, входящих в право собственности, не существует каких-либо препятствий для применения конструкции использования (пользования) к цифровым объектам.

Вместе с тем ограниченный объем правовых возможностей, реализуемых в настоящее время в рамках использования, делает необходимым детальный анализ и иных правомочий, предлагаемых учеными для включения в структуру исключительного права, с целью определения корректности их применения в отношении объектов цифрового пространства.

---

[4] В настоящее время значительная часть ученых пришла к консенсусу по поводу правомочия запрета. Правомочие обладания является сравнительно новой гипотезой.

Учитывая то, что правомочие распоряжения уже анализировалось применительно к праву собственности, в первую очередь это касается права на запрет.

И хотя данный элемент исключительного права ряд авторов в настоящее время ассоциирует с распоряжением [14, с. 74; 5, с. 126], господствующей следует признать точку зрения, в соответствии с которой запрет является самостоятельным правом.

Под запретом в данном случае подразумевается возможность правообладателя отстранить любое лицо от использования результатов интеллектуальной деятельности. При этом действует презумпция запрета, т.е. использовать принадлежащий правообладателю объект можно только с его прямого согласия, разрешения [10, с. 15–16].

Соответственно, возникает вопрос о целесообразности наделения субъекта, оперирующего в цифровом континууме, правом запретить любому другому лицу, включая лицо, администрирующее контент, использовать виртуальное имущество, правами на которое данный субъект обладает.

Очевидно, что это правомочие, как и в случае с интеллектуальной собственностью, должно быть ключевым. Именно правовая определенность, уверенность в том, что никакое лицо законно не сможет присвоить себе права на цифровой объект, позволит создать требуемую стабильность в обороте виртуального имущества. Таким образом, и в этой части конструкция исключительного права полностью соответствует как сути регулируемого объекта, так и правовым запросам участников виртуального рынка.

Из проведенного анализа становится очевидным, что вещно-правовая конструкция субъективных прав на виртуальное имущество не отвечает его сути, т.к. правомочие владения по отношению к данным объектам реализовано быть не может. Сама структура виртуальной реальности исключает физическое господство над объектом.

Напротив, исключительное право, включающее в себя правомочия использования[5], распоряжения и запрета, в полной мере характеризует те правовые возможности, которые являются необходимыми и достаточными для осуществления прав на виртуальные объекты.

Соответственно, отсутствует какая-либо необходимость в разработке нового правового механизма для осуществления прав на объекты виртуальной реальности. Достаточно распространить на них действие положений, регулирующих исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности. При этом правовые способы использования указанной правовой конструкции в отношении объектов виртуальной реальности могут быть различны. Как представляется, в настоящее время допустимо применение имеющихся норм, регулирующих исключительное право, к виртуальному имуществу по аналогии закона. Однако впоследствии, безусловно, следует признать необходимым включение в ГК РФ легальной дефиниции данного имущественного права с указанием объектов, на которые оно может распространяться. Данное определение может в целом совпадать с приведенным в данной работе, в соответствии с которым исключительное право – это абсолютное по своему характеру субъективное гражданское имущественное право на нематериальные объекты.

В случае принятия таких изменений необходимо оценить и возможность применения исключительных прав к нематериальным объектам, в отношении которых в настоящее время используется проприетарная конструкция субъективных прав, а именно к бездокументарным ценным бумагам, безналичным деньгам и иным имущественным правам, являющимся объектами гражданских прав. Это может быть обусловлено, в частности, и тем, что, как и в случае с виртуальным имуществом,

---

[5] При этом само понятие использование в его нынешнем правовом значении значимых отличий от пользования не имеет.

владение такими объектами в классическом понимании данного правомочия представляется невозможным. Однако такая конструкция правомочий требует дополнительного детального рассмотрения и обоснования.

Список источников

1. Гражданское право: учебник: в 4 т., т. 1; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 336 с.
2. Гражданское право: учебник: в 3 т., т. 1; отв. ред. В.П. Мозолин. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 432 с.
3. Гражданское право: Учебник, т. 1 / Под ред. д-ра юрид. наук проф. О.Н. Садикова. М.: Контракт: Инфра-М, 2010. 239 с.
4. Гражданское право Российской Федерации: учебник: в 3 т., т. 1 / под. редакцией Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2011. 406 с.
5. Павлова Е.А. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. С. 126–127.
6. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей / Исслед. центр частного права. М.: Статут, 2005. С. 48.
7. Гаврилов Э.П. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Э. П. Гаврилов, В. И. Еременко. М.: Экзамен, 2009. С. 79–80.
8. Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности: Учебник под ред. И.А. Близнеца; Российская гос. акад. интеллектуальной собственности. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. С. 15–16.
9. Зенин И.А. Право интеллектуальной собственности: учебник для магистров, 9-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. С. 30.
10. Рожкова М.А. Об имущественных правах на нематериальные объекты в системе абсолютных прав (часть первая, вводная – вещные права, интеллектуальная собственность) [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2018. 17 декабря. URL: https://zakon.ru/blog/2018/12/17/ob_imuschestvennyh_pravah_na_nematerialnye_obekty_v_sisteme_absolyutnyh_prav_chast_pervaya_vvodnaya_ (дата обращения: 20.04.2022).

11. Усольцева С.В. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. С. 96.
12. Калятин В.О. Интеллектуальная собственность (Исключительные права): Учебник для вузов. М.: Норма, 2000. С. 75.
13. Гаврилов Э.П. Конституция Российской Федерации и ГК РФ как основные источники права интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. URL: https://www.lawmix.ru/comm/1282 (дата обращения: 20.04.2022).
14. Ревинский О.В. Право промышленной собственности: курс лекций. 3-е изд., пересмотренное и доп. М.: Юрсервитум, 2020. С. 74.

References

1. Grazhdanskoye pravo: uchebnik: v 4 t., t. 1; otv. red. E.A. Sukhanov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Statut, 2019. 336 s. (in Russ.).
2. Grazhdanskoye pravo: uchebnik: v 3 t., t. 1; otv. red V.P. Mozolin 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2016. 432 s. (in Russ.).
3. Grazhdanskoye pravo: Uchebnik, t. 1 / Pod red. d-ra yurid. nauk prof. O.N. Sadikova. M.: Kontrakt: Infra-M, 2010. 239 s. (in Russ.).
4. Grazhdanskoye pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik v 3 t., t. 1 / pod. redaktsiyey Yu.K. Tolstogo. M.: Prospekt, 2011. 406 s. (in Russ.).
5. Pavlova E.A. (2017). Pravo intellektual'noy sobstvennosti. T. 1. Obshchiye polozheniya / Pod obshch. red. d.yu.n., prof. L.A. Novoselovoy. M.: Statut. S. 126–127 (in Russ.).
6. Dozortsev V.A. (2005). Intellektual'nyye prava: Ponyatiye. Sistema. Zadachi kodifikatsii. Sbornik statey/ Issled. Tsentr chastnogo prava. M.: Statut. S. 48 (in Russ.).
7. Gavrilov E.P. (2009). Kommentariy k chasti chetvertoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (postateynyy) / E. P. Gavrilov, V. I. Eremenko. M.: Ekzamen. S. 79–80 (in Russ.).
8. Gavrilov E.P. (2016). Pravo intellektual'noy sobstvennosti: Uchebnik pod red. I.A. Bliznetsa; Rossiyskaya gos. akad. intellektual'noy sobstvennosti. Izd. 2-e, pererab. i dop. M.: Prospekt. S. 15–16 (in Russ.).
9. Zenin I.A. (2013). Pravo intellektual'noy sobstvennosti: uchebnik dlya magistrov, 9-e izd., pererab. i dop. M.: Yurayt. S. 30 (in Russ.).

10. Rozhkova M.A. (2018). Ob imushchestvennykh pravakh na nematerial'nyye ob"yekty v sisteme absolyutnykh prav (chast' pervaya, vvodnaya – veshchnyye prava, intellektual'naya sobstvennost') [online] // Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2018/12/17/ob_imuschestvennyh_pravah_na_nematerialnye_obekty_v_sisteme_absolyutnyh_prav_chast_pervaya_vvodnaya_ (data obrashcheniya: 20.04.2022) (in Russ.).
11. Usol'tseva S.V. (2017). Pravo intellektual'noy sobstvennosti. T. 1. Obshchiye polozheniya: Uchebnik / Pod obshch. red. d.yu.n., prof. L.A. Novoselovoy. M.: Statut. S. 96 (in Russ.).
12. Kalyatin V.O. (2000). Intellektual'naya sobstvennost' (Isklyuchitel'nyye prava): Uchebnik dlya vuzov. M.: Norma. S. 75 (in Russ.).
13. Gavrilov E.P. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii i GK RF kak osnovnyye istochniki prava intellektual'noy sobstvennosti [online] URL: https://www.lawmix.ru/comm/1282 (data obrashcheniya: 20.04.2022) (in Russ.).
14. Revinskiy O.V. (2020). Pravo promyshlennoy sobstvennosti: kurs lektsiy. 3-e izd., peresmotrennoye i dop. M.: Yurservitum. S. 74 (in Russ.).

Статья поступила 29.03.2022, принята к публикации: 20.04.2022.

© Ермаков А.В., 2022

Копирайт, 2022, № 2, с. 40-51. ISSN 2307-2741
Copyright. 2022. No. 2. P. 40-51. ISSN 2307-2741

Российское право: нормы и практика

К вопросу об ответственности за нарушение режима секретности при патентовании изобретений, содержащих государственную тайну

Научная статья
УДК 347.4

Мария Сергеевна Лаврентьева,
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности, Москва, Россия
кандидат юридических наук
lavrentyeva@rgiis.ru

Наталья Геннадьевна Пономарева,
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности, Москва, Россия
кандидат юридических наук
genresnat@yandex.ru

Аннотация. *Статья посвящена вопросам, связанным с обеспечением правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности при сохранении их секретности в оборонно-промышленном и военно-промышленном комплексе Российской Федерации. Рассмотрены функции органов, занимающихся охраной государственной тайны, и виды ответственности,*

предусмотренные за нарушение режима государственной тайны.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, государственная тайна, секретное изобретение.

Для цитирования: Лаврентьева М.С., Пономарева Н.Г. Ответственность за нарушение режима секретности при патентовании изобретений, содержащих государственную тайну // Копирайт. 2022. № 2. С. 40–51.

To the question of responsibility for violation of the secrecy regime when patenting inventions containing state secrets

Maria S. Lavrentyeva
Russian State Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russia
PhD in Law
lavrentyeva@rgiis.ru

Natalia G. Ponomareva
Russian State Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russia
PhD in Law
genresnat@yandex.ru

Abstract. *The article is devoted to issues related to ensuring the legal protection of the results of intellectual activity while maintaining their secrecy in the military-industrial and military-industrial complex of the Russian Federation. The functions of the bodies related to the protection of state secrets in the intellectual property system*

and the types of liability provided for violation of the state secret regime are considered.

Key words: intellectual property, state secret, secret invention.

For citation: Lavrentyeva M.S., Ponomareva N.G. To the question of responsibility for violation of the secrecy regime when patenting inventions containing state secrets // Copyright. 2022. No 2. P. 40–51.

В соответствии со ст. 44 Конституции Российской Федерации[1] интеллектуальная собственность охраняется законом. Вопросы об охране интеллектуальной собственности поднимаются и в рамках научных конференций, и на государственном уровне. Так, председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко в одном из своих выступлений пояснила, что: «В настоящее время найдена правовая конструкция, которая, с одной стороны, дает возможность коммерциализировать результаты интеллектуальной деятельности, полученные в рамках госконтрактов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, с другой – позволяет обеспечить интересы обороны и безопасности страны…» [1].

Организации оборонно-промышленного комплекса (военно-промышленного комплекса) Российской Федерации (далее – РФ) занимаются, в том числе, научными исследованиями в сфере разработки военной и специальной техники.

Одним из проявлений секретности и закрытости таких научных исследований является уровень допуска. И ранее, в Советском Союзе, и в настоящее время от уровня допуска зависит возможность того или иного сотрудника работать с различными секретными материалами.

---

1 Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2020/07/04/konstituciya-site-dok.html (дата обращения: 01.02.2022).

Закрытость таких материалов обуславливается режимом государственной тайны, и, соответственно, регламентируется законом. Современные проблемы правового института секретных изобретений в РФ обсуждаются многими юристами, предлагающими различные пути совершенствования законодательства [2]. Научный интерес, на наш взгляд, представляет предложение выдавать на секретные изобретения авторские свидетельства, а исключительное право на них предоставить государству [3].

Перечень общих сведений о государственной тайне содержится в Законе РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» (далее – Закон о государственной тайне)[2]. Данный перечень содержит и сведения из военной области, и сведения в области экономики, науки, техники, политики, разведывательной, оперативно-розыскной и контрразведывательной деятельности, и другие.

Чтобы разобраться в вопросе ответственности за сохранение сведений о секретных изобретениях, рассмотрим нюансы приема на работу (службу) сотрудников, которым необходимо оформить допуск к государственной тайне. В первую очередь следует обратить внимание на то, что допуск к государственной тайне – обязательное условие при заключении трудового договора с работником, должностные обязанности которого предполагают доступ к таким сведениям, если он трудоустраивается на предприятие, учреждение или в организацию, допущенные к осуществлению деятельности с использованием сведений, составляющих государственную тайну.

Существуют три формы допуска, в зависимости от степени секретности сведений которыми будет пользоваться сотрудник:

- 1-я форма. Сведения особой важности;

---

[2] Закон Российской Федерации «О государственной тайне» от 21.07.1993 № 5485-1 (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ (дата обращения: 01.02.2022).

- 2-я форма. Сведения с грифом «Совершенно секретно»;
- 3-я форма. Секретные сведения.

Нормативным правовым актом, регламентирующим оформление допуска к сведениям 1-й, 2-й и 3-й формы секретности является Инструкция о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 06.02.2010 № 63 (далее – Инструкция)[3]. В соответствии с данной Инструкцией проверка сведений, предоставленных гражданином при оформлении 1-й или 2-й формы допуска к государственной тайне, осуществляется органами государственной безопасности при взаимодействии с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. При оформлении 3-й формы допуска проверочные мероприятия проводятся самим предприятием.

Также существуют сведения с грифом «Для служебного пользования», которые составляют служебную тайну. Дополнительный допуск к работе с данной информацией не требуется, но с сотрудниками организации, работающими с документами, предназначенными для служебного пользования, в трудовом договоре дополнительно оговариваются вопросы неразглашения служебной тайны.

При этом в ст. 23 Закона о государственной тайне и п. 15 Инструкции[4] приведен перечень ряда обстоятельств, при которых работник может быть лишен допуска к государственной тайне:

1. Расторжение трудового договора в связи с проведением организационных и (или) штатных мероприятий.

---

[3] Постановление Правительства РФ от 06.02.2010 № 63 (ред. от 20.10.2021) «Об утверждении Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97474/49f247357a138be3fefd7e87c8d1ed8ba78f7c24/ (дата обращения: 01.02.2022).

[4] Там же.

2. Однократного нарушения сотрудником обязательств и условий трудового договора, связанных с сохранением государственной тайны.

3. Возникновение обстоятельств, препятствующих допуску работника к государственной тайне (например, лишение гражданина дееспособности, его нахождение под судом, наличие медицинских противопоказаний к работе со сведениями, составляющими государственную тайну, наличие близких родственников за границей и др.).

Лишение работника допуска к государственной тайне может явиться основанием для его увольнения – в том случае, когда для выполнения трудовых обязанностей такой допуск необходим.

Согласно п. 2 ст. 1349 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[5], секретным изобретениям предоставляется правовая охрана. В соответствии со ст. 1402 ГК РФ[6] функция по государственной регистрации секретного изобретения и выдаче патента на него возложена на федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности, т.е. Федеральную службу по интеллектуальной собственности (Роспатент) (в отдельных предусмотренных законодательством случаях решение о выдаче патента на секретное изобретение принимается уполномоченными органами).

Кроме того, Роспатентом осуществляется проверка на наличие в заявке сведений, составляющих государственную тайну, при зарубежном патентовании.

Порядок рассмотрения заявок с различной степенью секретности предусмотрен п. 2 ст. 1401 ГК РФ: «Заявки на секретные изобретения, для которых установлена степень секретности «особой важности» или «совершенно секретно», а также на секретные изобретения, которые относятся к средствам

[5] Там же.

[6] Там же.

вооружения и военной техники и к методам и средствам в области разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности и для которых установлена степень секретности «секретно», подаются в зависимости от их тематической принадлежности в уполномоченные Правительством Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти, Государственную корпорацию по атомной энергии «Росатом», Государственную корпорацию по космической деятельности «Роскосмос» (уполномоченные органы). Заявки на иные секретные изобретения подаются в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности»[7].

Кроме того, на основании п. 3 ст. 1401 ГК РФ проверка на предмет выявления секретных изобретений также относится к функционалу сотрудников системы Роспатента (а именно – ФГБУ «Федеральный институт промышленной собственности»; далее – ФГБУ ФИПС): «Если при рассмотрении федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности заявки на изобретение будет установлено, что содержащиеся в ней сведения составляют государственную тайну, такая заявка засекречивается в порядке, установленном законодательством о государственной тайне, и считается заявкой на секретное изобретение»[8].

При этом порядок указанной проверки определен Правилами проведения проверки наличия в заявках на выдачу патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец, созданные в Российской Федерации, сведений, составляющих государственную тайну (Постановление Правительства РФ от 24.12.2007 № 928 «О порядке проведения проверки наличия в заявках на выдачу патента на изобретение,

---

7 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ, № 52, 25.12.2006 (Части I–III), ст. 5496.

8 Там же.

полезную модель или промышленный образец, созданные в Российской Федерации, сведений, составляющих государственную тайну»[9]).

Еще одной функцией ФГБУ ФИПС является выявление идентичных изобретений в процессе экспертизы заявки по существу. При этом одним из идентичных изобретений может оказаться секретное изобретение. В этом случае засекречивается и второе изобретение (п. 87 Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации изобретений, и их форм, утвержденных приказом Минэкономразвития Российской Федерации[10]).

Для осуществления работы в части правовой защиты секретных объектов интеллектуальной собственности в системе Роспатента есть Федеральное агентство по правовой защите результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения (ФГБУ «ФАПРИД»). В число основных направлений его работы входят информационно-аналитическое обеспечение проведения проверок деятельно-

---

9 Постановление Правительства РФ от 24.12.2007 № 928 «О порядке проведения проверки наличия в заявках на выдачу патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец, созданные в Российской Федерации, сведений, составляющих государственную тайну» // Российская газета, № 293, 28.12.2007; Собрание законодательства Российской Федерации, № 53, 31.12.2007, ст. 6624.

10 Приказ Минэкономразвития России от 30.09.2015 № 695 (ред. от 23.11.2020) «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации промышленных образцов, и их форм, Требований к документам заявки на выдачу патента на промышленный образец, Состава сведений о выдаче патента на промышленный образец, публикуемых в официальном бюллетене Федеральной службы по интеллектуальной собственности, Состава сведений, указываемых в форме патента на промышленный образец, формы патента на промышленный образец» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.12.2015, № 40242). [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192300/ (дата обращения: 01.02.2022).

сти государственных заказчиков и организаций и техническое и информационно-аналитическое обеспечение ведения единого реестра результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения, права на которые принадлежат Российской Федерации; судебно-претензионная работа по защите прав Российской Федерации на результаты научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения, созданные за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, право использования которых предоставляется государственными заказчиками исполнителям государственных контрактов на основании лицензионных договоров.

Исходя из вышеперечисленных направлений деятельности Роспатента, ФГБУ ФИПС, ФГБУ ФАПРИД, можно сделать вывод о том, что их сотрудники, так же как и сотрудники многих других организаций и предприятий, работающих с секретными сведениями, имеют доступ к государственной тайне.

В связи с этим следует рассмотреть вопрос об ответственности лиц, имеющих доступ к государственной тайне и иным секретным сведениям.

За нарушение режима секретности может наступить дисциплинарная, гражданско-правовая, административная или уголовная ответственность. Остановимся более подробно на отдельных видах ответственности и основаниях ее наступления.

Дисциплинарная ответственность за нарушение режима государственной тайны предусматривает выговор, лишение денежной премии или увольнение. За разглашение государственной тайны сотрудник госпредприятия или коммерческой фирмы привлекается к административной либо уголовной ответственности. В любом из этих случаев организация проходит дополнительную проверку со стороны Федеральной

службы безопасности и может быть лишена лицензии на государственную тайну.

В случае нанесения материального и морального вреда предполагается его возмещение. При этом доказать материальный вред от конкретного правонарушения практически невозможно. Соответственно, гражданская ответственность за нарушение режима государственной тайны существует лишь формально.

Таким образом, нарушитель государственной тайны будет привлечен к уголовной либо административной ответственности.

В соответствии с уголовным и административным законодательством разглашение тайны совершается только умышленно – прямо или косвенно.

Государственная тайна – это защищаемые государством сведения в области военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которой может нанести ущерб безопасности Российской Федерации. Государственная тайна представляет собой неотъемлемую составляющую часть суверенитета государства.

За нарушение режима государственной тайны предусмотрена уголовная ответственность по следующим статьям:

- 275 УК РФ «Государственная измена». Наказание: от 12 до 20 лет заключения, плюс штраф до 500 000 рублей.
- 276 УК РФ «Шпионаж». Наказание: лишение свободы от 10 до 20 лет.
- 283 УК РФ «Разглашение государственной тайны». Наказание: лишение свободы до 4 лет, в особых случаях – от 3 до 7 лет.
- 284 УК РФ «Утрата документов, содержащих государственную тайну». Наказание: лишение свободы до 3 лет[11].

[11] Там же.

При этом в качестве дополнительного наказания применяется лишение права занимать определенные должности.

Обязанность по представлению доказательств, свидетельствующих о том, что сведения, которые работник разгласил, в соответствии с действующим законодательством относятся к государственной, служебной, коммерческой или иной охраняемой законом тайне, либо к персональным данным другого работника, и эти сведения стали известны работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей, а он обязывался не разглашать такие сведения, возлагается на работодателя (п. 43 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»[12]).

В завершение следует подчеркнуть: если работодатель доказал, что работник разгласил секретные сведения, последний может быть привлечен к дисциплинарной, гражданской, административной или уголовной ответственности.

Список источников

1. Матвиенко В.И. Важно создать механизм вовлечения в рыночный оборот интеллектуальных разработок, профинансированных государством. Официальный сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) [Электронный ресурс]. URL: https://rospatent.gov.ru/index.php/ru/news/sf-14122020 (дата обращения: 04.02.2022).
2. Воскресенская Е.В., Алексеева Ю.С. Режим секретных изобретений: вопросы права и управления // Вестник КГУ. 2018. № 3. С. 275 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rezhim-sekretnyh-izobreteniy-voprosy-prava-i-upravleniya/viewer (дата обращения: 25.05.2022).

[12] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации». Интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2004/04/08/kodeks-dok.html (дата обращения: 06.02.2022).

3. Михайлова Н.П. Проблемы правового регулирования секретных изобретений в Российской Федерации // Молодой ученый. 2021. № 19 (361). С. 221–223 [Электронный ресурс]. URL: https://moluch.ru/archive/361/80824/ (дата обращения: 25.05.2022).

References

1. Matvienko V.I. Vazhno sozdat' mekhanizm vovlecheniya v rynochnyy oborot intellektual'nykh razrabotok, profinansirovannykh gosudarstvom – Predsedatel' SF. Ofitsial'nyy sayt Federal'noy sluzhby po intellektual'noy sobstvennosti (Rospatent) [online]. URL: https://rospatent.gov.ru/index.php/ru/news/sf-14122020 (04.02.2022) (in Russ.).
2. Voskresenskaya E.V., Alekseyeva Yu. S. (2018) Rezhim sekretnykh izobreteniy: voprosy prava i upravleniya. *Vestnik KGU* (3) S. 275 [online]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rezhim-sekretnyh-izobreteniy-voprosy-prava-i-upravleniya/viewer (25.05.2022) (in Russ.).
3. Mikhaylova N.P. (2021) Problemy pravovogo regulirovaniya sekretnykh izobreteniy v Rossiyskoy Federatsii. *Molodoy uchenyy* (9; 361). S. 221–223 [online]. URL: https://moluch.ru/archive/361/80824/ (25.05.2022) (in Russ.).

Статья поступила 19.02.2022, принята к публикации: 01.04.2022.

© Лаврентьева М.С., 2022
© Пономарева Н.Г., 2022

Копирайт, 2022, № 2, с. 52-61. ISSN 2307-2741
Copyright. 2022. No. 2. P. 52-61. ISSN 2307-2741

Средства индивидуализации

«Свободное использование» товарных знаков

Научная статья
УДК 347.772

Сергей Анатольевич Зуйков,
патентный поверенный РФ,
управляющий партнер «Зуйков и партнеры»,
Москва, Россия
sergey@zuykov.com

Аннотация: *Несмотря на нормативный запрет использования товарного знака без согласия правообладателя, правоприменительная практика позволяет выявить случаи так называемого свободного использования знаков – ситуации, в которых обозначение формально используется, но не выполняет своей индивидуализирующей функции.*

Ключевые слова: товарный знак, исключительное право на товарный знак.

Для цитирования: Зуйков С.А. «Свободное использование» товарных знаков // Копирайт. 2022. № 2. С. 52–61.

"Free use" of trademarks

Sergey A. Zuykov
Trademark Attorney of the Russian Federation,
Managing Partner, Zuykov and partners,
Moscow, Russia
sergey@zuykov.com

Abstract. *Despite the regulatory ban on the use of a trademark without the copyright holder's consent, law enforcement practice makes it possible to identify cases of so-called free use of marks – situations in which the designation is formally used but does not fulfill its individualizing function.*

Key words: trademark, exclusive right for trademark.

For citation: Zuykov S.A. "Free use" of trademarks // Copyright. 2022. No 2. P. 52–61.

Понятие «свободное использование» подразумевает использование объекта без согласия правообладателя. По общему правилу бездоговорное использование по назначению товарного знака иным лицом, кроме правообладателя, незаконно, поскольку «…со свободным использованием товарных знаков неограниченным кругом лиц не могут быть сопряжены значимые законные частные и общественные интересы. Добросовестные участники гражданско-правовых отношений, потребители, общество заинтересованы в последовательном атрибутировании товарного знака конкретному субъекту при невмешательстве всех иных лиц в процесс использования такого обозначения правообладателем» [1]. В доктрине вопросы свободного использования товарных знаков поднимаются

регулярно, поскольку подобные ситуации имеют множество нюансов [2, 3, 4, 5].

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) прямо указана только одна ситуация, когда товарный знак можно законно использовать без согласия правообладателя – исчерпание исключительного права на него, т.е. использование знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории РФ непосредственно правообладателем или с его согласия.

В некоторой степени экзотическим примером исчерпания исключительного права на товарный знак может служить дело № А51-30569/2017[1], в котором лицензиат ввез в РФ товар с товарным знаком и поместил его под таможенную процедуру «выпуск для внутреннего потребления», однако не обратился в порт за выдачей товара, в результате чего право собственности на него как на бесхозяйное имущество перешло в судебном порядке порту. Порт реализовал товар третьему лицу, которому и вменялось нарушение исключительного права. Однако суды установили, что лицензиат изначально действовал исключительно в целях дальнейшей реализации товара, поэтому можно признать введение товара в гражданский оборот с согласия правообладателя состоявшимся.

Остальные исключения можно выявить путем сопоставления норм о товарных знаках и анализа правоприменительной практики; в любом случае очевидно, что такие исключения имеют место, когда использование обозначения осуществляется не в связи с функциями товарного знака как средства индивидуализации.

В соответствии с п. 1 ст. 1477 и п. 1 ст. 1484 ГК РФ[2] использованием товарного знака является индивидуализация това-

---

1 Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26.12.2018 № С01-1144/2018 по делу № А51-30569/2017.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ.

ров, работ, услуг посредством товарного знака любым способом, не противоречащим закону; при этом, согласно п. 3 ст. 1484 ГК РФ, нарушением исключительного права признается использование без разрешения правообладателя самого товарного знака или сходного до степени смешения обозначения в отношении товаров, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован, или однородных товаров.

Таким образом, отсутствие любого из этих обстоятельств препятствует признанию использования нарушением.

Один из наиболее распространенных случаев так называемого свободного использования товарного знака упомянут в п. 157 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 – это употребление слов (в том числе, имен нарицательных), зарегистрированных в качестве словесных товарных знаков, **в общеупотребительном значении**, не для целей индивидуализации конкретного товара, работы или услуги (в том числе способами, перечисленными в п. 2 ст. 1484 ГК РФ), например, в письменных публикациях или устной речи.

Например, в деле № А40-52087/2020[3] суды пришли к выводу, что словосочетание «VE» используется в России в общеупотребительном значении как вид промышленных эндоскопов, а обозначение использовалось ответчиком на сайте для информирования покупателей о виде продукции, поэтому нарушения исключительного права на товарный знак

не усматривается.

[3] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 10.08.2021 № С01-1174/2021 по делу № А40-52087/2020.

Напротив, в деле № А40-186703/2018[4] о нарушении исключительного права на товарный знак «Симкомат» довод ответчика об общеупотребимости обозначения «симкомат» не позволил отказать в иске – из-за обстоятельств использования этого обозначения.

Товарный знак был размещен на сайте в текстах рекламного характера, а также в программном обеспечении соответствующего аппарата.

Ответчик указывал на то, что слово «симкомат» было использовано им исключительно в описательных и информационных целях, суд апелляционной инстанции тоже отметил, что данное слово является нарицательным существительным, синонимом автоматизированного решения по продаже сим-карт, что подразумевает его непосредственное использование в хозяйственном обороте как общеупотребительного слова, воспринимаемого как специализированного аппарата по реализации товаров одного вида (сим-карт) по аналогии с такими устройствами, как банкомат, постамат.

Однако Суд по интеллектуальным правам отметил, что ответчик использовал обозначение не в общеупотребительном значении, а в рекламных целях для привлечения интереса потребителей к аппарату по продаже сим-карт, относящемуся к товарам, однородным тем, в отношении которых зарегистрирован товарный знак.

Также суд указал, что вывод суда апелляционной инстанции о том, что слово «симкомат» не является фантазийным, а является общеупотребительным словом, воспринимаемым в сознании как специализированный аппарат, не свидетельствует о том, что может быть отказано в защите исключительного права на товарный знак, правовая охрана которого не оспорена.

---

4 Постановление Суда по интеллектуальным правам от 02.03.2020 № С01-42/2020 по делу № А40-186703/2018.

В деле № А41-47382/2020[5] неопределенность истинного значения использованного обозначения стала основанием для направления дела на новое рассмотрение. Иск был подан правообладателем серии товарных знаков

в связи с тем, что ответчики использовали на сайте обозначение

для рекламы товаров, однородных тем, в отношении которых зарегистрированы товарные знаки, в частности, в рекламном слогане «Вот это «Да!».

Суды нижестоящих инстанций отказали в иске, сославшись на общеупотребимость значения слова «Да», использованного ответчиками, но Суд по интеллектуальным правам отметил, что, хотя рекламный слоган ответчиков состоит из слов, объединенных общей смысловой нагрузкой, связанной с возгласом, выражающим изумление или удивление, но из обжалуемых судебных актов не усматривается, что суды установили использование словесного элемента «Да» именно в общеупотребимом качестве.

Товарный знак может использоваться без согласия правообладателя и **для информирования о самом правообладателе**, его товарах, работах или услугах.

Например, в деле № А40-148440/2020[6] университет «Синергия» – правообладатель товарных знаков № 500542 Синергия Synergy, № 490022

, № 662433

[5] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27.10.2021 № С01-1451/2021 по делу № А41-47382/2020.

[6] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29.09.2021 № С01-1063/2021 по делу № А40-148440/2020.

SYNERGY UNIVERSITY , ссылался на то, что университет «МЭИ», участвуя в Международном университетском проекте «Синергия» наряду с иными образовательными и промышленными организациями, использует товарные знаки истца при оказании услуг в области образования.

Суды отказали в иске, установив, что обозначения используются не для индивидуализации оказываемых университетом услуг, а для информирования посетителей сайта о существовании сетевого проекта и его участников, т.е. ответчик указывает на свое участие в образовательном проекте, предметом которого является совместное осуществление участниками образовательной деятельности в сетевой форме.

В деле № А41-57533/2019[7] суд отказал в иске Акционерному обществу «Московский завод «Кристалл» о защите товарного знака с аналогичным словесным элементом, сделав следующие выводы:

- обозначение «Московский завод «Кристалл» используется ответчиком на этикетке бутылки в тексте: «Московский завод «Кристалл», расположенный по адресу: Москва, ул. Самокатная, д. 4, в 2008 г. начал производство водки «Казенка»;
- в данном контексте обозначение только указывает на наименование истца, а также содержит сведения исторического характера о начале производства водки истцом;
- при этом обозначение расположено не с лицевой стороны товара, а на контрэтикетке (обратной стороне бутылки) – что снижает вероятность восприятия обозначения в качестве товарного знака.

[7] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 12.01.2021 № С01-1393/2020 по делу № А41-57533/2019.

В деле № А40-266746/2018 [8] правообладатель товарного знака ДОБРЫНИНСКИЙ, узнав о размещении ответчиком указанного товарного знака на сайте, обратился в суд. Однако в иске было отказано, поскольку товарный знак использовался ответчиком в информационных целях, а не для индивидуализации своего товара или оказываемых им услуг, в связи с чем отсутствует факт нарушения исключительного права истца – какой-либо информации, которая могла бы повлечь смешение товаров и услуг, не размещалось, товарный знак использован исключительно для рекламы продукции, производимой истцом.

Однако не всегда аргумент об информировании потребителей посредством размещения товарного знака получает свое подтверждение – иногда это только способ избежать ответственности.

Например, в деле № А21-11554/2019[9] продавец ссылался на то, что маркировка автозапчастей обозначениями, сходными до степени смешения с охраняемыми товарными знаками OPEL, осуществлена не в целях индивидуализации ввозимых на территорию РФ товаров, а в целях информирования потребителей о перечне моделей и марок автомобилей, для которых такой товар применим, в соответствии с законодательством о защите прав потребителей.

Однако суд довод отклонил, указав, что товар является контрафактным в том случае, если он сам или его этикетки, упаковки содержат на себе незаконно размещенный товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение, при этом каких-либо оговорок о конкретной цели размеще-

[8] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30.09.2019 № С01-852/2019 по делу № А40-266746/2018.

[9] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30.06.2020 № С01-502/2020 по делу № А21-11554/2019.

ния таких обозначений на товаре законодательство не содержит. Суд также указал, что обозначение размещено именно на упаковке автозапчастей без каких-либо разъяснений и указаний о применимости товара в автомобиле указанной марки, в то время как информация для потребителей о технических характеристиках товара, а именно перечне марок и моделей автомобилей, в которых товар применим, может содержаться в техническом описании или инструкции к продукции.

«Информационность» использования товарного знака не всегда очевидна. Например, одна из спорных ситуаций, повлекшая противоречивую практику, – расположение товарного знака на вывесках торговых точек, в которых реализуются товары, введенные в оборот правообладателем товарного знака или с его согласия; при этом знак зарегистрирован для таких товаров и услуг по их продаже.

Суд по интеллектуальным правам занимает то одну, то другую позицию – например, в деле № А12-40377/2016[10] он отметил, что использование товарного знака, зарегистрированного для автомобилей и автозапчастей, на вывеске в этом случае является правонарушением, поскольку не доказано, что сама вывеска на магазине автозапчастей ответчика с размещенным на ней товарным знаком принадлежит правообладателю этого товарного знака, либо была изготовлена и размещена на фасаде с его согласия. А в деле № А57-6183/2016[11] суд указал, что использование на вывеске не признается нарушением, поскольку имело место исчерпание исключительного права в отношении реализуемых в магазине товаров.

Таким образом, практика свидетельствует о том, что следует анализировать обстоятельства каждого дела, т.к. в каждом конкретном случае необходим анализ функции использованного

---

10 Постановление Суда по интеллектуальным правам от 07.04.2017 № С01-130/2017 по делу № А12-40377/2016.

11 Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23.12.2016 № С01-1146/2016 по делу № А57-6183/2016.

обозначения, и может оказаться, что обозначение не индивидуализирует товары, работы или услуги, а значит, не влечет вероятности смешения, в то время как исключительное право на товарный знак ограничено данным функционалом.

Список источников

1. Право интеллектуальной собственности. Средства индивидуализации: Учебник: в 3 т. Т. 3 / под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2018. 266 с.
2. Алексейчук А.А. Свободное использование товарного знака // ИС. Промышленная собственность. 2020. № 12. С. 53–59.
3. Ворожевич А.С. Незаконное использование товарного знака: понятие, меры ответственности // Вестник гражданского права. 2015. № 6. С. 7–46.
4. Джермакян В.Ю. 600 вопросов по товарным знакам: разъяснения правоприменительной практики // СПС «Консультант-Плюс». 2016.
5. Сергеев А.П. «За» и «против» введения права преждепользования советскими брендами // Закон. 2016. № 9. С. 84–90.

References

1. Pravo intellektual'noy sobstvennosti. Sredstva individualizatsii: Uchebnik: v 3 t. T. 3 (2018) / pod obshch. red. L.A. Novoselovoy. M.: Statut,. 266 s. (in Russ.).
2. Alekseychuk A.A. (2020). Svobodnoye ispol'zovaniye tovarnogo znaka. *IS. Promyshlennaya sobstvennost'.* № 12. S. 53–59. (in Russ.).
3. Vorozhevich A.S. (2015). Nezakonnoye ispol'zovaniye tovarnogo znaka: ponyatiye, mery otvetstvennosti. *Vestnik grazhdanskogo prava.* № 6. S. 7–46 (in Russ.).
4. Dzhermakyan V.Yu. (2016) 600 voprosov po tovarnym znakam: raz"yasneniya pravoprimenitel'noy praktiki. SPS «Konsul'tant-Plyus». (in Russ.).
5. Sergeyev A.P. (2016). «Za» i «protiv» vvedeniya prava prezhdepol'zovaniya sovetskimi brendami. *Zakon.* № 9. S. 84–90 (in Russ.).

Статья поступила 23.05.2022, принята к публикации: 25.05.2022.

© Зуйков С.А., 2022

Копирайт, 2022, № 2, с. 62-69. ISSN 2307-2741
Copyright. 2022. No. 2. P. 62-69. ISSN 2307-2741

Средства индивидуализации

Правовое регулирование географических указаний и наименований мест происхождения товаров в Европейском союзе и в Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ

Научная статья
УДК 347.121.2

Роман Иванович Елагин,
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности, Москва, Россия
доцент кафедры Теории, истории права
и публично-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук
elaginr@mail.ru

Аннотация. *В статье исследуются вопросы гражданско-правового регулирования институтов географических указаний и наименований мест происхождения товаров по законодательству Российской Федерации и стран Европейского союза. Автором выделены основные признаки указанных средств индивидуализации и на их основе проведен сравнительный анализ*

правового регулирования институтов наименований мест происхождения товаров и географических указаний в Европейском союзе и в Российской Федерации.

Ключевые слова: географическое указание, наименование места происхождения товара, средство индивидуализации.

Для цитирования: Елагин Р.И. Правовое регулирование географических указаний и наименований мест происхождения товаров в Европейском союзе и в Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ // Копирайт. 2022. № 2. С. 62–69.

Legal regulation of geographical indications and appellations of origin in the European Union and the Russian Federation: a comparative legal analysis

Roman I. Elagin
Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia
Associate Professor of the Department
of Theory, History of Law and Public Law Disciplines
PhD in Law
elaginr@mail.ru

Abstract. *The article examines the issues of civil law regulation of the institutions of geographical indications and appellations of origin of goods under the legislation of the Russian Federation and the countries of the European Union. The author singled out the main features of these means of individualization and, on their basis, carried out a comparative analysis of the legal regulation of the institutions of appellations of origin and geographical indications in the European Union and in the Russian Federation.*

Key words: geographical indication, appellation of origin, means of individualization.

For citation: Elagin R.I. Legal regulation of geographical indications and appellations of origin in the European Union and the Russian Federation: a comparative legal analysis. // Copyright. 2022. No. 2. P. 62–69.

Существующее нормативное регулирование таких правовых институтов, как наименования мест происхождения товаров (далее – НМПТ) и географические указания (далее – ГУ) в странах Европейского союза (далее – ЕС) и в Российской Федерации (далее – РФ) имеет существенные отличия, обусловленные особенностями исторического развития стран и их подходов к понятию сущности указанных средств индивидуализации.

В первую очередь необходимо отметить различные виды средств индивидуализации, включающих указания на географические объекты, выделяемые в законодательных актах стран ЕС и РФ.

В ЕС действует региональная система, которая предусматривает правовое регулирование защищенных ГУ (protected geographical indication; далее – PGI) и защищенных НМПТ (protected designation of origin; далее – PDO), а также содержит отдельные положения для охраны гарантированных традиционных продуктов (traditional specialities guaranteed; далее – TSG). При этом TSG является нетипичным средством индивидуализации, которое относится к традиционным методам производства и рецептуре продуктов без привязки к конкретному географическому объекту.

Российское гражданское законодательство знакомо только с такими видами географических обозначений, как НМПТ и ГУ, последнее из которых представляет собой достаточно молодой и активно развивающийся правовой институт.

В странах ЕС порядок предоставления правовой охраны и особенности правового регулирования географических обо-

значений (PGI, PDO) определяются Регламентом № 1151/2012[1], в РФ правовой режим ГУ и НМПТ регулируется Гражданским кодексом РФ[2].

В соответствии с действующим европейским законодательством обязательным условием для предоставления обозначению правовой охраны в качестве PDO является раскрытие связи между качеством и свойствами продукта и географической средой, чем определяется его принципиальное сходство с российским институтом НМПТ.

При этом для регистрации обозначения в качестве PGI заявитель обязан обосновать наличие устойчивой связи между качеством, репутацией и другими свойствами продукта и соответствующим географическим регионом или местностью, что обуславливает его сходство с ГУ по российскому гражданскому законодательству.

Существенным отличием в подходах к правовому регулированию географических обозначений в ЕС и в нашей стране является также круг товаров, для которых могут быть зарегистрированы ГУ и НМПТ.

Так, правила по унификации и гармонизации законодательства в сфере регистрации и правовой охраны географических обозначений в странах ЕС распространяют свое действие исключительно на продовольственные и сельскохозяйственные товары.

Помимо этого, европейские нормативные акты содержат специальные положения для указания географического происхождения традиционных и ароматизированных вин и прочих спиртных напитков.

---

1 Regulation (EU) № 1151/2012 of the European Parliament and of the Council of 21 November 2012 on quality schemes for agricultural products and foodstuffs // Official Journal of the European Union. 2020. L 343. P. 1–29.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 26.07.2019, с изм. от 24.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629 (дата обращения: 01.04.2022).

В России же возможность регистрации ГУ и НМПТ распространяется на любые товары, независимо от их рода, вида и прочих характеристик.

По мнению автора, российский подход к определению широкого круга товаров, в отношении которых возможна регистрация географических обозначений, более целесообразен для динамичного развития экономики страны.

В рамках законодательной базы ЕС необходимо внедрение новых норм, предполагающих распространение правовой охраны НМПТ и ГУ для самых разных промышленных товаров.

Географические обозначения подразумевают конкретные качества продукта, обусловленные местом его производства, природными и (или) человеческими факторами, в том числе, производственными навыками людей в определенной местности и сложившимися традициями [1, с 124].

В ЕС существует достаточно большое количество оригинальной продукции, которая ценится во всем мире благодаря тому, что ее производство основано на традиционных знаниях и методах, которые часто уходят корнями в культурное и социальное наследие конкретного географического региона. Например, чешский фарфор или муранское стекло. Подобные товары являются результатом применения традиционных знаний и навыков европейцев, становятся частью их культурного наследия, а их производство и реализация по всему миру, безусловно, способствует экономическому развитию европейского региона.

На сегодняшний день в ЕС, в отличие от России, не существует унифицированных механизмов правовой охраны PDO и PGI в отношении несельскохозяйственной продукции. Для регистрации и охраны данных объектов применяется национальное право каждого отдельного государства, что не соответствует целям гармоничного развития внутреннего рынка.

Стоит отметить, что Конвенция по охране промышленной собственности, Лиссабонское соглашение[3], а также Соглашение ТРИПС[4] содержат положения, по смыслу которых охрана предоставляется ГУ и НМПТ для всех видов продукции, как сельскохозяйственной, так и несельскохозяйственной.

Важно отметить также разницу в квалификации интеллектуальных прав на ГУ и НМПТ, возникающих у европейских и российских заявителей.

В государствах ЕС признаются исключительные права на товарные знаки, при этом права на географические обозначения таковыми не считаются. По европейскому гражданскому законодательству право на использование PDO либо PGI не является исключительным.

Гражданскому законодательству РФ, напротив, известно такое понятие, как исключительное право на ГУ или НМПТ. Однако исключительные права для указанных правовых институтов не являются абсолютными. Так, ГУ или НМПТ нельзя распорядиться, при том, что право распоряжения является неотъемлемой составляющей практически любого исключительного права. Исключительное право на географическое обозначение не препятствует другим лицам получить свидетельство на свое имя и использовать тождественное ГУ или НМПТ.

В ЕС, в отличие от России, предусмотрена процедура оспаривания предоставления права использования PGI, PDO или TSG в случае нарушения положений действующего законодательства. Соответствующее возражение может подать лю-

---

3 Лиссабонское соглашение о защите указаний места происхождения изделий и их международной регистрации (принято в Лиссабоне 31.10.1958) (с изм. от 14.07.1967) // Интеллектуальная собственность. Документы и комментарии. 2004. № 2–3. С. .90.

4 Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров от 15.04.1994) // Приложение к Собранию законодательства Российской Федерации. 2012. № 37 (ч. VI). Ст. 2419.

бое заинтересованное лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность на территории государства-члена ЕС.

Уполномоченная комиссия ЕС может принять исполнительный акт об аннулировании регистрации PGI, PDO или TSG в случаях, если не обеспечивается соблюдение условий спецификации, либо если по крайней мере в течение семи лет соответствующая продукция не выпускается на рынок[5]. Указанная процедура может быть инициирована как самой комиссией ЕС, так и любым заинтересованным лицом, действующим законно и добросовестно.

В РФ может быть аннулировано предоставление правовой охраны ГУ или НМПТ в случае, если по объективным причинам (например, изменение природных условий) дальнейшее производство соответствующего товара не представляется возможным. Аннулирование ранее выданных свидетельств, удостоверяющих исключительные права на географические обозначения, в связи с их неиспользованием в течение определенного срока, в России не предусмотрено.

По мнению автора, такой подход более целесообразен, поскольку экономическая ситуация на хозяйственном рынке не влияет на уникальность свойств товара, производство которого связано с географическими особенностями региона. Следовательно, неиспользование права на PGI или PDO в течение определенного времени не должно лишать правообладателя возможности возобновления либо организации такого производства в последующем.

В числе существенных различий в правовом регулировании ГУ и НМПТ в ЕС и в России, безусловно, следует отметить более широкую распространенность географических обозначений как средств индивидуализации в странах Европы. В России количество зарегистрированных НМПТ и ГУ

---

5 Regulation (EU) № 1151/2012 of the European Parliament and of the Council of 21 November 2012 on quality schemes for agricultural products and foodstuffs // Official Journal of the European Union. 2020. L 343. P. 1–29.

на сегодняшний день является сравнительно невысоким.

Так, в 2021 г. в странах ЕС в качестве средств индивидуализации охранялось более 3000 региональных географических обозначений (PGI и PDO) [2; 3], в то время как в России было зарегистрировано менее 300 НМПТ и ГУ.

Исходя из изложенного выше, можно сделать вывод о том, что при сходном в целом подходе к регулированию институтов ГУ и НМПТ, в ЕС и России существует ряд достаточно существенных различий в данной области. При этом в России регистрация географических обозначений не столь распространена, а правовое регулирование институтов ГУ и НМПТ переживает период активного развития.

Список источников

1. Горленко С.А. Проблемы регулирования охраны наименований мест происхождения товаров: дис. канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 1994. 170 с.
2. Blakey M. Protection Gls in Europe. [Электронный ресурс] URL: http://www.unife.it/giurisprudenza/giurisprudenza/studiare/food.pdf (дата обращения: 01.04.2022).
3. Fay F. Geographical indications: Recent developments in the EU // [Электронный ресурс] URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/sct/en/wipo_geo_lis_19.pdf (дата обращения: 02.04.2022).

References

1. Gorlenko S.A. (1994) Problemy regulirovaniya okhrany naimenovaniy mest proiskhozhdeniya tovarov: dis. kand. yurid. nauk. Moscow (170) (in Russ.).
2. Blakey M. Protection Gls in Europe. [online] URL: http://www.unife.it/giurisprudenza/giurisprudenza/studiare/food.pdf (01.04.2022).
3. Fay F. Geographical indications: Recent developments in the EU. [online] URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/sct/en/wipo_geo_lis_19.pdf (02.04.2022).

Статья поступила 26.04.2022, принята к публикации: 10.05.2022.

© Елагин Р.И., 2022

Копирайт, 2022, № 2, с. 70-89. ISSN 2307-2741
Copyright. 2022. No. 2. P. 70-89. ISSN 2307-2741

Промышленная собственность

О требованиях к изображениям промышленных образцов при зарубежном патентовании

Научная статья
УДК 347

Геннадий Анатольевич Негуляев
Федеральный институт промышленной собственности,
Москва, Россия
ведущий научный сотрудник,
кандидат филологических наук
gnegouliaev@mail.ru
Author ID: 99102

Аннотация. *В статье рассмотрены основные требования, предъявляемые к изображениям промышленных образцов ведомствами промышленно развитых стран, их особенности и практика применения. Особое внимание уделено выявлению требований, касающихся обеспечения необходимой полноты, ясности и однозначности раскрытия заявленного объекта. Приведены наиболее частые ошибки, допускаемые заявителями, при подготовке изображений промобразцов. На основе проведенного анализа предложены практические рекомендации, касающиеся подготовки как стандартных (нормативно разрешенных) видов образцов, так и дополнительных видов, обес-*

печивающих полноту, ясность и однозначность раскрытия содержания образца.

Ключевые слова: промышленный образец, изображения, международная заявка, охраноспособность, зарубежное патентование.

Для цитирования: Негуляев Г.А. О требованиях к изображениям промышленных образцов при зарубежном патентовании // Копирайт. 2022. № 2. С. 70–89.

On the requirements for images of industrial designs for foreign patenting

Gennadiy A. Negulyaev
Federal Institute of Industrial Property, Moscow, Russia
Leading Researcher, PhD in Philological Sciences
gnegouliaev@mail.ru
Author ID: 99102

Abstract. *The article discusses the features and basic requirements for images of industrial designs by the offices of industrialized countries, as well as the practice of their application. Particular attention is paid to identifying requirements related to ensuring the necessary completeness, clarity and unambiguity of the disclosure of the declared object. The most common mistakes made by applicants when preparing images of industrial samples are given. On the basis of the analysis carried out, practical recommendations are proposed regarding the preparation of both standard (regulatory permitted) types of samples, and additional types that ensure the completeness, clarity and unambiguity of sample disclosure.*

Key words: industrial design, images, international application, patentability, foreign patenting.

For citation: Negulyaev G.A. On the requirements for images of industrial designs for foreign patenting // Copyright. 2022. No 2. P. 70–89.

Изображение промышленного образца (далее – ПО) является основным элементом патентной заявки. Другие ее элементы, описывающие содержание заявляемого объекта, такие как: название изделия, классификационный индекс, краткое описание образца и др., являются только дополнительными идентификационными или поясняющими элементами. От соблюдения основных требований, предъявляемых к полноте, ясности и однозначности представления всех видов изображения, характеризующих заявляемый образец, зависит результат рассмотрения заявки на регистрацию. Одной из наиболее частых причин запросов экспертизы или отказа в предоставлении охраны при зарубежном патентовании является несоблюдение необходимых требований.

Соблюдение этих требований приобретает особое значение, когда необходимо получить одновременную охрану для одного и того же образца в странах, которые предъявляют различные требования к представлению изображений образца. Возможность одновременной регистрации одного и того же образца в нескольких странах для российских заявителей появилась с присоединением нашей страны к Гаагскому соглашению о международной регистрации промышленных образцов [1]. При использовании этой возможности заявитель должен подготовить изображения промышленного образца таким образом, чтобы наиболее полно учесть требования национальных законодательств тех стран, которые он выбрал для получения национальной охраны, указав их в международной заявке.

При этом следует учитывать как общие требования к изображениям, предъявляемые всеми патентными ведом-

ствами, в том числе в рамках Гаагской системы международной регистрации образцов, так и специфические требования национальных законодательств стран-участниц Соглашения.

Соблюдение общих требований, предъявляемых в рамках Гаагской системы, проверяется Международным бюро ВОИС при проведении формальной экспертизы. Их нарушение может повлечь, как правило, установление более поздней даты международной заявки.

В соответствии с общими положениями и требованиями Гаагской системы для представления изображений ПО [2] могут использоваться как фотографии или компьютерные изображения, так и рисунки в виде чертежей. Рисунки, выполненные с применением чертежной технологии, многие ведомства часто называют чертежами, хотя такие рисунки-чертежи должны показывать только внешний вид изделий, и в них не допускается включение многих элементов чертежной технологии, как например, оси, стрелки, буквенные и цифровые обозначения и т.д. В большинстве случаев ведомствами рекомендуется использование черно-белых рисунков или чертежей. Более того, некоторые из них, например ведомство США, требуют от заявителя предварительной подачи отдельного ходатайства с объяснением причин, почему он хотел бы представить образец в другой форме, а не в виде чертежей. В случае получения разрешения от ведомства необходимо уплатить дополнительную пошлину [3, 4].

Вместо рисунков-чертежей большинство ведомств Европейского союза допускают подачу фотографий и компьютерных изображений, особенно в тех случаях, когда цвет является одним из отличительных признаков образца. Однако в любом случае фотографии должны быть изготовлены в соответствии со стандартом профессионального уровня, а рисунки выполнены с помощью чертежных инструментов [5].

При подаче изображений промышленных образцов на бумаге соответствующие виды изображений наклеиваются

на листах формата А4 и прикладываются к международной заявке. При этом допускается размещать на одном листе не более 25 изображений при условии, что сохраняется хорошая различимость необходимых деталей.

Заявляемый промобразец должен быть представлен на нейтральном фоне. Не допускается, чтобы изображение, помимо вида самого образца, включало посторонние предметы или объекты. Поскольку все обозначения и пояснения в пределах изображения недопустимы, они должны быть указаны отдельно: либо под изображениями образца, либо вынесены в рамках отдельного пояснения в заявке. Цветовое представление одного и того же образца на различных видах должно быть одинаковым, иначе такие виды могут быть интерпретированы в качестве различных образцов.

При подаче международной заявки в электронном виде изображения загружаются в соответствующие поля графы 8 электронной формы DM/1 в предписанных форматах [6].

Наряду с общими требованиями к изображениям, применяемым практически всеми ведомствами стран-участниц Гаагского соглашения, заявителю необходимо учитывать также различные специфические требования, содержащиеся в национальных нормативных документах. Эти требования относятся как к нормативно рекомендуемым видам образца, так и к другим факультативным или дополнительным изображениям изделия. Целью этих требований является обеспечение необходимой полноты и ясности раскрытия образца, а также исключение из изображений образца информации, вводящей в заблуждение или допускающей его неоднозначную интерпретацию.

О необходимости соблюдения специфических требований к изображениям в рамках Гаагского соглашения особое заявление сделали ведомства следующих 12 стран, которые проводят экспертизу по существу: Венгрии, Канады, Израиля,

Мексики, Кореи, Киргизии, Молдавии, России, Румынии, Сирии, США и Японии [7].

Для удобства дальнейшего рассмотрения специфических требований представляется целесообразным разделить их условно на две группы: (1) требования к стандартным или нормативно рекомендуемым видам изображения образца и (2) требования к представлению дополнительных (вспомогательных) изображений самого изделия, которые необходимы для пояснения конструктивных или функциональных особенностей изделия при проведении экспертизы по существу, но которые не рассматриваются в качестве нормативно разрешенных видов заявленного образца.

К стандартным (или нормативно рекомендуемым) видам изображения образца для объемных (трехмерных) изделий, как правило, относят шесть ортогональных видов изображения (вид сверху, вид снизу, вид спереди, вид сзади, вид слева, вид справа), а также одно или два вида соответствующего изделия в перспективе, например, вид сверху и снизу. Для описания образца, относящегося к двухмерному (плоскому) изделию, необходимы два вида: вид спереди и вид сзади. При этом, в отличие от профессиональных (инженерных) чертежей, стандартные виды изображений не должны включать никаких обозначений и пояснений, используемых при подготовке чертежей, как, например, обозначение осей, размеров, словесных или буквенных пояснений и т.д., кроме подрисуночных обозначений, содержащих номер и название вида изображения (например, «1.2, вид сверху»).

Если заявляемый образец представляет собой часть изделия, то та часть изделия, в отношении которой не испрашивается охрана, должна быть отделена от заявляемого образца с помощью пунктирных или прерывистых линий (так называемое дискламирование неохраняемой части). Допускается также закрашивание дискламируемой части изделия одним нейтральным цветом (например, серым или голубым). Ис-

пользование дискламации условных обозначений и пояснений, приводимых обычно в разделе заявки «Описание», как правило, относится также к разряду стандартных способов представления образца.

Использование только стандартных средств изображения образца не всегда позволяет достичь необходимой полноты и ясности раскрытия образца. Поэтому большинство ведомств в дополнение к стандартным видам и средствам рекомендуют ограниченное использование вспомогательных способов графического представления изображений в качестве поясняющих материалов. К ним могут относиться представление изображений в виде 3D-моделей, натурных образцов изделий, использование технических чертежей, показывающих изделие или его часть в разрезе, поперечном или продольном сечении и т.д. Как было отмечено выше, в отличие от стандартных видов образца, дополнительные изображения изделий имеют статус дополнительных или вспомогательных средств и не рассматриваются в качестве нормативно разрешенных изображений образца. Целесообразность и способ их использования, как правило, рекомендуется в отдельных руководствах для заявителя. В случае их использования заявитель обязан сделать соответствующее пояснение или заявление о назначении этих средств в специально отведенном разделе заявки.

В силу того, что национальные законодательства стран-участниц Гаагского соглашения не гармонизированы, практика применения указанных средств представления изображений значительно различается в разных ведомствах. В этой связи автором были проанализированы наиболее типовые случаи использования стандартных способов изображений образца разными ведомствами, а также типовые ситуации применения вспомогательных средств и способов изображения изделия. В результате подготовлен ряд практических рекомендаций по их применению, объединенных в рамках трех групп:

1. Рекомендации, относящиеся к использованию стандартных видов изображений образца.
2. Рекомендации, относящиеся к использованию дополнительных (вспомогательных) видов изображения изделия для обеспечения полноты и ясности раскрытия образца.
3. Рекомендации, направленные на обеспечение единообразного использования графических средств изображения образца.

В первой группе рекомендаций рассмотрены особенности использования стандартных видов и средств представления изображений в разных ведомствах. При этом, по возможности, раскрывается также степень обязательности их использования в каждом из 12 указанных ведомств (например, в качестве обязательных для использования, в качестве рекомендуемых или не рекомендуемых).

Рекомендация 1. Представление шести видов изображений для трехмерных изделий и двух видов изображений для двухмерных изделий. В общем случае большинство ведомств считает, что для обеспечения требуемой полноты представления образца бывает достаточным, чтобы заявляемый образец, относящийся к трехмерным изделиям, должен быть представлен в виде шести ортогональных видов изображений в различных ракурсах (т.е., под различными углами), а именно: вид спереди, вид сзади, вид сверху, вид снизу, вид справа и вид слева, а в случае двухмерных изделий (например, для открыток, тканей и т.д.) с помощью двух видов изображений: вид передней поверхности и вид задней поверхности.

Для идентификации каждого из видов рекомендуется, чтобы каждый из них был перенумерован и описан словесно следующим образом: 1.1) Вид спереди, 1.2) Вид справа, 1.3) Вид сверху, 1.4) Вид сзади, 1.5) Вид слева, 1.6) Вид снизу, где первая цифра означает номер образца, а вторая цифра – номер вида.

Необходимость обязательного представления всех шести видов изображений для любого типа образца предусматривается нормативными требованиями трех ведомств: Японии, Румынии и Сирии [8]. Более того, требование об обязательности включения всех шести видов изображения образца включено в Акт об образцах Японии [9].

Указание всех шести видов за некоторыми исключениями (см. рекомендацию 3) считается целесообразным также при указании Кореи и Молдовы. Если конфигурация изделия, заявленного в качестве образца, не показана полностью, ведомства этих стран могут посчитать, что образец не был раскрыт в достаточной степени. Так, например, если какой-либо из видов, например, относящийся к нижней или задней части изделия, будет отсутствовать без объяснения причин, то эксперт может направить дополнительный запрос для уточнения объема притязаний или отказать в случае отсутствия ответа заявителя.

Ведомства остальных семи стран, проводящих экспертизу по существу (Венгрии, Израиля, Канады, Киргизии, Мексики, России и США), считают, что каждый из видов должен быть представлен лишь в случае необходимости, если содержит информацию, подлежащую охране. Более того, когда указанной страной в международной заявке является одна из следующих стран: Канада и/или Израиль и/или Мексика и/или США, то достаточным считается такое число видов изображений, которое обеспечивает надлежащее раскрытие изделия, при этом никакое пороговое число необходимых и достаточных видов не устанавливается [4]. Если какой-либо вид не будет представлен, то эксперт этих ведомств будет считать, что охрана этой части изделия не испрашивается заявителем.

Рекомендация 2. Представление перспективных видов вместо или в дополнение к шести видам изображений. В практике ведомств обычно используются один или два перспективных вида (виды в перспективе), представляющие изображение изделия под углом: вид сверху (когда показана

передняя, верхняя и правая стороны изделия) и вид снизу (задняя, нижняя и левая стороны изделия). Следует отметить, что представление перспективных видов не рассматривается в качестве обязательных видов ни одним из патентных ведомств.

Перспективные виды могут применяться для двух следующих ситуаций:

(1) Перспективные виды заменяют ортогональные виды изображения при условии, что на них показана вся конфигурация изделия, включая предлагаемый орнамент, в отношении которых заявлен образец. Представленные виды в перспективе должны удовлетворять экспертизу с точки зрения полноты и ясности притязаний.

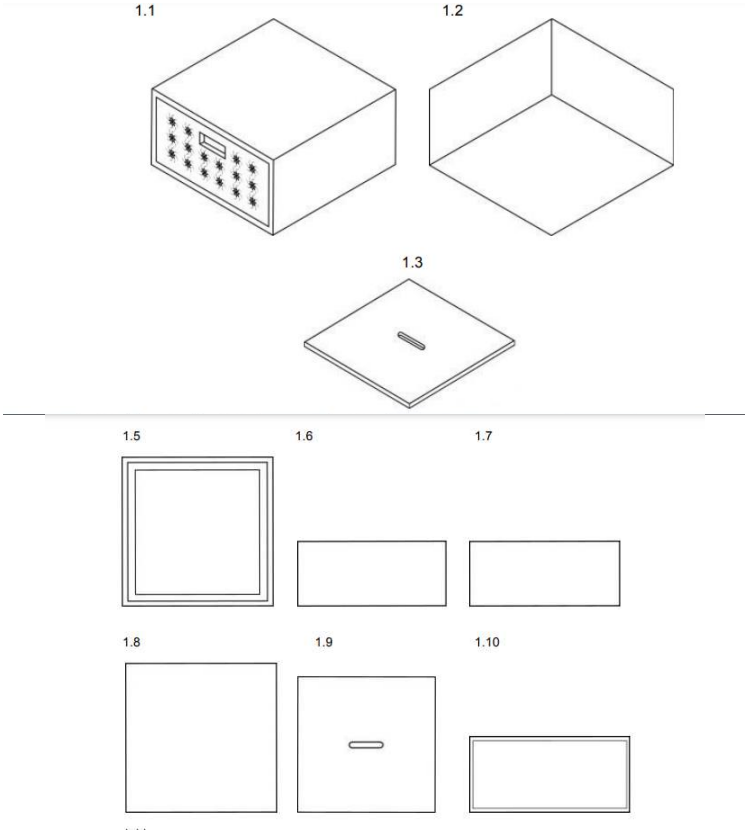
(2) Перспективные виды используются в дополнение к ортогональным видам, если заявитель желает более полно и ясно представить изделие, имеющее сложную конфигурацию или форму. При использовании видов в перспективе заявитель имеет возможность приводить лишь те ортогональные виды, которые дополняют перспективный вид.

Использование перспективных видов взамен ортогональных видов или в дополнение к ним рекомендуется ведомствами Венгрии, Кореи, Мексики, Молдовы, Румынии и Сирии [8]. Остальные ведомства не возражают против их применения, если для полного раскрытия образца может быть использовано сочетание ортогональных и перспективных изображений. Представление всех шести видов изображений, а также двух видов изделия в перспективе не всегда является гарантией достаточного раскрытия образца. Об этом свидетельствует практика таких ведомств, как: США, Канады, Израиля и Мексики.

Поэтому в случае изделий, имеющих сложную конфигурацию (например, наличие внутренней видимой части изде-

лия, а также отдельных внешних деталей), может потребоваться несколько перспективных видов, включая перспективные виды как для всего изделия, так и для его отдельных деталей или частей. Ниже приводится пример сочетания нескольких перспективных видов с соответствующими ортогональными видами [8].

Обозначение изделия: «шкатулка»



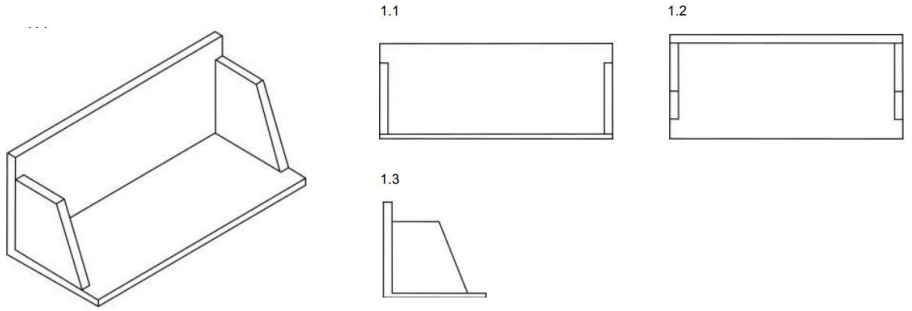
Условные обозначения/описание: 1.1) Перспективный вид (показывающий переднюю, верхнюю и правую стороны изделия), 1.2) Перспективный вид (показывающий заднюю, нижнюю и левую стороны изделия), 1.3) Перспективный вид, показывающий внутреннюю крышку, 1.5) Вид верхней части внутренней коробки, 1.6) Вид задней части внутренней короб-

ки, 1.7) Вид левой части внутренней коробки, 1.8) Вид нижней части внутренней коробки, 1.9) Вид нижней части внутренней крышки, 1.10) Вид передней части наружного корпуса.

Рекомендация 3. Допустимый пропуск одного из видов. Данная рекомендация касается ситуаций, когда у заявляемого образца имеется два или более идентичных вида, либо два изображения являются зеркальным отражением один другого, либо имеются мало информативные виды, представляющие плоскую поверхность изделия без орнаментации (например, задний или нижний виды изделия).

В этом случае практически все ведомства предоставляют заявителю возможность опустить один из идентичных или зеркальных видов изображений, а также не включать виды, касающиеся плоских поверхностей, не имеющих орнамента. Однако при указании Японии не допускается пропускать мало информативные виды, даже в том случае, если они не имеют орнамента [10]. Ведомства Венгрии и Мексики не возражают против пропуска указанных видов в зависимости от ясности представленных видов.

Для того, чтобы избежать замечаний экспертизы в отношении недостаточной полноты раскрытия образца, заявитель должен четко указать в описании образца, какие виды изображений пропущены и по какой причине это было сделано. Такое указание делается в виде отдельного описания или заявления, состоящего из двух частей: 1) номеров и названий видов, включенных в заявку, 2) названий пропущенных видов и объяснения причин пропуска. Ниже приводится пример такого заявления, касающегося образца для книжной полки (см. вид в перспективе). Заявление, включаемое в описание образца, содержит две части: 1) условные обозначения для приведенных видов и 2) описания пропущенных видов и указания причин пропуска:



Условные обозначения: 1.1) Вид спереди, 1.2) Вид сверху, 1.3) Вид слева.

Описание: Вид сзади и вид снизу пропущены, т.к. задняя и нижняя поверхности изделия являются плоскими и не имеют орнаментации. Вид справа пропущен, т.к. является зеркальным отражением вида слева.

Когда указанной страной являются Канада и/или Израиль, и/или США, описание пропущенного вида изображения должно быть представлено только в том случае, если содержание пропущенного изображения является частью заявленного образца. Если же содержание пропущенного изображения не является частью образца, в описании пропущенного изображения нет необходимости [8].

Рекомендация 4. Представление образца, относящегося к части изделия, и способы дискламации частей, не подлежащих охране. Данная рекомендация относится к двум возможным ситуациям:

(1) Заявленный образец относится к изделию, в котором некоторая часть(и) исключае(ю)тся из испрашиваемой охраны (например, заявляется образец в отношении велосипеда за исключением колес).

(2) Заявленный образец относится только к одной или нескольким частям изделия, т.е. образец не охватывает всего изделия (например, заявлен образец в отношении рамы велосипеда).

В общем случае независимо от того, какая ситуация имеет место, в большинстве стран для указания того, на какую часть изделия испрашивается охрана, а на какую часть такая охрана не распространяется, должна применяться следующая рекомендация, приведенная в разделе 403 Административной инструкции Гаагского соглашения [11], в частности, если заявитель испрашивает охрану только определенной части изделия:

- вся конфигурация изделия должна быть представлена в шести ортогональных или перспективных видах изображений изделия, даже если охрана испрашивается только в отношении его определенной части. На этих видах изображений часть изделия, в отношении которой охрана не испрашивается, должна быть указана с помощью пунктирных или прерывистых линий либо выделения цветом;
- объяснение того, какой способ был использован для дискламации, должно быть приведено в пояснении в разделе «Описание».

Вышеприведенная рекомендация предусматривает обязательное выполнение следующих трех положений при представлении изображений образца:

(1) необходимость приведения изображения всего изделия;
(2) выделение (обозначение) части(ей) изделия, в отношении которой(ых) охрана не испрашивается, с помощью особых средств дискламации;
(3) объяснение использованных средств дискламации (например, штрих-пунктирных линий или цвета) в тексте отдельного пояснения.

Представляется целесообразным пояснить вышеуказанные положения.

Необходимость приведения изображения всего изделия. В тех случаях, когда образец относится только к одной или нескольким частям изделия, у заявителя возникает естественный вопрос, можно ли ограничиться только представле-

нием изображения этой(их) части(ей)? Однако в большинстве стран с учетом требования полноты раскрытия образца необходимо приводить не только изображения части изделия, определяемого заявленным образцом, но всего изображения соответствующего изделия. Требование приведения изображения всего изделия связано с необходимостью оценки промышленной применимости образца. Следует напомнить, что под промышленной применимостью понимается возможность изготовления изделия или ее некоторой части серийным образом и последующей ее коммерческой реализации. Исходя из этого, следует, что если, например, заявлен образец в отношении всей кружки, то требование промышленной применимости очевидным образом выполняется. Однако, если заявляется образец, относящийся только к ручке некоторой кружки, то с учетом того, что ручка не изготавливается и не продается отдельно, необходимо привести изображение всей кружки, указав, что объем испрашиваемой охраны распространяется только на ручку. В случае образца, относящегося к кружке, за исключением ручки, необходимо также показать с помощью разрешенных средств дискламации (например, с помощью штрих-пунктирных линий), что ручка исключается из охраны.

Обозначение части(ей) изделия, в отношении которой(ых) охрана не испрашивается, с помощью особых средств дискламации. Среди наиболее часто используемых средств дискламации следует назвать два:

- пунктирные, прерывистые или штрих-пунктирные линии для изображения дискламируемой части;
- заливка (выделение) дискламируемой части одним из неярких цветов (например, серым, бледно-голубым или бледно-зеленым цветом).

Указанные способы дискламации неохраняемой части в принципе могут применяться при указании всех стран. Однако некоторые из ведомств не требуют обязательного

включения дискламируемой части в состав изображений. Так, при указании трех следующих стран: Канады и/или Израиля, и/или США экспертиза соответствующего ведомства допускает представление изображений образца, в которых отсутствует показ всего изделия и не приведены дискламируемые части, поскольку в соответствии с законодательством этих стран части изделия, не показанные на изображении, не являются частью заявленного образца. Например, если заявленным образцом является книжная полка, но ее задняя сторона не показана и не описана, считается, что она исключена из заявки. Поэтому включение изображения, показывающего всю заднюю часть изделия пунктирными или прерывистыми линиями, не требуется.

Объяснение использованных средств и способа дискламации в тексте отдельного пояснения. В общем случае при дискламации части изделия, не подлежащей охране, все ведомства, как правило, требуют представить объяснение использованного способа дискламации с тем, чтобы избежать возможного неоднозначного толкования представленных изображений. Объяснение способа дискламации в рамках заявки должно быть представлено в виде отдельного заявления или в описании образца, где объясняется, каким способом указана часть изделия, в отношении которой охрана не испрашивается. Если дискламируемая часть изделия указана с помощью пунктирных или штрих-пунктирных линий, либо путем выделения цветом, но при этом отсутствует пояснение, что эти линии или использованный цвет (например, заливка голубым или серым цветом) выделяют ту часть изделия, в отношении которой охрана не испрашивается, возможно двоякое толкование. Так, например, пунктирные или штрих-пунктирные линии или выделение цветом могут быть сочтены одним из элементов изделия, в отношении которого заявлен данный образец. Например, если прерывистые линии показаны на изображении ботинка без какого-либо объясне-

ния, может быть неясно, обозначают ли они часть изделия, в отношении которой охрана не испрашивается, или строчку на ботинке. Подтверждением возможности неоднозначного толкования является практика ведомства Канады [12]. Например, если на швейном изделии при указании Канады будут показаны декоративные строчки без объяснения назначения, то эксперт ведомства сочтет эти строчки как обозначение дискламируемой части, поскольку в нормативных документах ведомства Канады содержится однозначная рекомендация, предписывающая обозначать дискламацию с помощью пунктирных или штрих-пунктирных линий, либо путем выделения цветом.

С учетом вышеизложенного, *в любом случае рекомендуется давать объяснение назначения использования указанных линий и цвета, чтобы избежать возможных запросов экспертизы или даже отказа.* Для исключения возможности неоднозначной интерпретации рекомендуется приводить описание использованного цвета даже в тех случаях, когда в заявленном образце имеется цветное изображение отдельных элементов или деталей изделия и существует вероятность их неоднозначного толкования.

(Продолжение следует)

Список источников

1. Журавлев А.Л. и др. Подача международной заявки на регистрацию промышленных образцов в соответствии с Женевским актом Гаагского соглашения // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2018. № 2. С. 45.
2. The Common Regulations Under the 1999 Act and the 1960 Act of the Hague Agreement (as in force on January 1, 2022) [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/hague/en/legal_texts/hague_system_regulations.pdf (дата обращения: 01.05.2022).

3. Design Patent Application Guide [Электронный ресурс]. URL: https://www.uspto.gov/patents/basics/types-patent-applications/design-patent-application-guide (дата обращения: 01.05.2022).
4. Manual of Patent Examining Procedure (MPEP), Ninth Edition, Revision 10.2019, Last Revised June 2020, Chapter 1500, Design Patents [Электронный ресурс]. URL: https://www.uspto.gov/web/offices/pac/mpep/mpep-1500.html (дата обращения: 01.05.2022).
5. Designs-guidelines/examination-of applications-for-registered-com munity designs [Электронный ресурс]. URL: https://guidelines.euipo.europa.eu/1803316/1789398/designs-guidelines (дата обращения: 01.05.2022).
6. Application for international registration, electronic form [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/hague/en/forms/docs/form_dm_1-editable1.pdf (дата обращения: 01.05.2022).
7. Hague System: Declarations by Contracting Parties (Latest revision: February 10, 2022) [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/hague/en/declarations/ (дата обращения: 01.05.2022).
8. Guidance on Preparing and Providing Reproductions in Order to Forestall Possible Refusals on the Ground of Insufficient Disclosure of an Industrial Design by Examining Offices (Rule 9(4) of the Common Regulations under the 1999 Act and the 1960 Act of the Hague Agreement) [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/hague/en/docs/guidance.pdf (дата обращения: 01.05.2022).
9. Design Act of Japan [Электронный ресурс]. URL: https://www.jpo.go.jp/e/ (дата обращения: 01.05.2022).
10. Examination Guidelines for Design [Электронный ресурс]. URL: https://www.jpo.go.jp/e/system/laws/rule/guideline/design/shinsa_kijun/index.html (дата обращения: 01.05.2022).
11. Administrative Instructions for the Application of the Hague Agreement (as in force on July 1, 2014) Procedures for Obtaining a Design Right [Электронный ресурс]. URL: http://www.jpo.go.jp/english/applications/hague_notes_e.htm (дата обращения: 01.05.2022).
12. Industrial designs guide [Электронный ресурс]. URL: https://www.ic.gc.ca/eic/site/cipointernet-internetopic.nsf/eng/h_wr02300.

html?Open&wt_src=cipo-id-main&wt_cxt=learn (дата обращения: 01.05.2022).

References

1. Zhuravlev A.L. i dr. (2018). Podacha mezhdunarodnoy zayavki na registratsiyu promyshlennykh obraztsov v sootvetstvii s Zhenevskim aktom Gaagskogo soglasheniya. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nyye prava*. № 2. S. 45 (in Russ.).
2. The Common Regulations Under the 1999 Act and the 1960 Act of the Hague Agreement (as in force on January 1, 2022) URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/hague/en/legal_texts/hague_system_regulations.pdf (01.05.2022).
3. Design Patent Application Guide URL: https://www.uspto.gov/patents/basics/types-patent-applications/design-patent-application-guide (01.05.2022).
4. Manual of Patent Examining Procedure (MPEP), Ninth Edition, Revision 10.2019, Last Revised June 2020, Chapter 1500, Design Patents URL: https://www.uspto.gov/web/offices/pac/mpep/mpep-1500.html (01.05.2022).
5. Designs-guidelines/examination-of applications-for-registered-community designs. URL: https://guidelines.euipo.europa.eu/1803316/1789398/designs-guidelines (01.05.2022).
6. Application for international registration, electronic form. URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/hague/en/forms/docs/form_dm_1-editable1.pdf (01.05.2022).
7. Hague System: Declarations by Contracting Parties (Latest revision: February 10, 2022). URL: https://www.wipo.int/hague/en/declarations/ (01.05.2022).
8. Guidance on Preparing and Providing Reproductions in Order to Forestall Possible Refusals on the Ground of Insufficient Disclosure of an Industrial Design by Examining Offices (Rule 9(4) of the Common Regulations under the 1999 Act and the 1960 Act of the Hague Agreement). URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/hague/en/docs/guidance.pdf (01.05.2022).
9. Design Act of Japan. URL: https://www.jpo.go.jp/e/ (01.05/2022).

10. Examination Guidelines for Design. URL: https://www.jpo.go.jp/e/system/laws/rule/guideline/design/shinsa_kijun/index.html (01.05.2022).
11. Administrative Instructions for the Application of the Hague Agreement (as in force on July 1, 2014) Procedures for Obtaining a Design Right. URL: http://www.jpo.go.jp/english/applications/hague_notes_e.htm. (01.05.2022).
12. Industrial designs guide. URL: https://www.ic.gc.ca/eic/site/cipointernet-internetopic.nsf/eng/h_wr02300.html?Open&wt_src=cipo-id-main&wt_cxt=learn (01.05.2022).

Статья поступила 23.05.2022, принята к публикации: 26.05.2022.

© Негуляев Г.А., 2022

Копирайт, 2022, № 2, с. 90-106. ISSN 2307-2741
Copyright. 2022. No. 2. P. 90-106. ISSN 2307-2741

Авторское право

Лекция преподавателя высшей школы как объект интеллектуальных прав и ее место в современных цифровых реалиях

Научная статья
УДК 347.78

Наталья Юрьевна Сергеева
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности, Москва, Россия
доцент кафедры Гражданского
и предпринимательского права,
кандидат юридических наук
NSkafedra@bk.ru
ORCID 0000-0003-3964-7904

Аннотация. *Статья посвящена исследованию лекции преподавателя высшей школы с позиции действующего законодательства об интеллектуальных правах, а также рассмотрению актуальных в современных цифровых реалиях вопросов правомерности размещения и использования лекционных материалов на цифровых образовательных платформах.*

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, результат интеллектуальной деятельности, произведение, исполнение, лекция, цифровой контент, образовательная платформа, высшее учебное заведение, педагогический работник.

Для цитирования: Сергеева Н.Ю. Лекция преподавателя высшей школы как объект интеллектуальных прав и ее место в современных цифровых реалиях // Копирайт. 2022. № 2. С. 90–106.

Lecture by a teacher of higher education as an object of intellectual property rights and its place in modern digital realities

Natalia Yu. Sergeeva
Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia
Associate Professor of the Department
of Civil and Business Law
PhD in Law
NSkafedra@bk.ru
ORCID 0000-0003-3964-7904

Abstract. *The article is devoted to the study of a lecture by a teacher of higher education from the standpoint of the current legislation on intellectual property rights, as well as to the consideration of issues relevant in modern digital realities of the legality of posting and using lecture materials on digital educational platforms of universities.*

Key words: intellectual property, result of intellectual activity, work, performance, lecture, digital content, educational platform, higher education institution.

For citation: Sergeeva. N.Yu. Lecture by a teacher of higher education as an object of intellectual property rights and its place in modern digital realities // Copyright. 2022. No 2. P. 90–106.

В современных цифровых реалиях преподаватели высшей школы осуществляют учебный процесс как собственно в стенах учебного заведения, так и через опосредованное взаимодействие, происходящее через телекоммуникационную сеть Интернет. При этом для реализации онлайн-обучения созданный ими лекционный материал (конспекты и видео-записи лекций) размещаются на образовательных онлайн-платформах, вследствие чего они превращаются в цифровой контент.

С позиции действующего законодательства об интеллектуальных правах (части IV ГК РФ) данный контент может быть отнесен к результатам интеллектуальной деятельности (далее – РИД) и подлежать правовой охране. Вместе с тем существующий до сих пор правовой нигилизм в сфере интеллектуальной собственности не позволяет быть до конца уверенным в его дальнейшем правомерном использовании различными субъектами интернет-пространства. Не случайно еще в декабре 2021 г. в рамках конференции «Три десятилетия российского медийного законодательства: итоги и перспективы» представителями научного сообщества обсуждалась необходимость проведения круглого стола с образовательными учреждениями по вопросам использования лекционного материала, размещенного в цифровом пространстве [1].

Действительно, насколько правомерно его размещение на образовательных платформах? Как он будет использован в дальнейшем? Данные вопросы, на наш взгляд, являются важными и очень актуальными не только для преподавателей – создателей упомянутого контента, но и, прежде всего, для работодателей – высших учебных заведений, в связи с чем предлагается их рассмотреть в рамках настоящей статьи. Но прежде чем к ним обратиться, ответим на несколько общих вопросов и уясним, являются ли лекции преподавателей высшей школы объектами интеллектуальных прав и кому могут принадлежать интеллектуальные права на данные объекты.

Лекция преподавателя как объект интеллектуальных прав

Для того чтобы ответить на вопрос, является ли лекция объектом интеллектуальных прав, следует сначала определить, что такое лекция.

Указанное понятие не является правовым.

Согласно словарю русского языка, под лекцией понимается «устное изложение учебного предмета или какой-нибудь темы, а также запись этого изложения» [2]. В доктрине отмечается, что: «лекция представляет собой логически стройное, систематизированное изложение научного вопроса посредством хорошо организованной живой речи. К лекции в современном вузе предъявляются определенные требования, такие как единство формы и содержания, научность, доступность, эмоциональность изложения, органическая связь с другими формами и видами учебных занятий, практикой нашей повседневной жизни [3]».

Как объект интеллектуальных прав, лекция, на наш взгляд, может подпадать под два правовых режима.

Во-первых, если лекция создана *самостоятельным творческим трудом* преподавателя и выражена в объективной форме (например, в виде конспекта), она подпадает под правовой режим объектов авторских прав – *произведений*, правовая охрана которых представлена гл. 70 ГК РФ «Авторское право». Под произведением в доктрине понимается «совокупность идей, мыслей, образов, получивших в результате творческой деятельности автора свое выражение в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме [4]». При этом «объективная форма произведения, строго говоря, является частью понятия «произведение»; это и есть само произведение: если какая-то мысль, идея, существует лишь в голове, а объективно не выражена, то произведения еще нет» [5].

Открытый перечень видов произведений перечислен в п. 1 ст. 1259 ГК РФ, среди которых лекции прямо не поименованы.

В этой связи думается, что данный объект, прежде всего, следует рассматривать как *произведение научной литературы*.

Во-вторых, прочтение лекций может быть также весьма оригинальным и уникальным (то есть являться результатом творческого труда преподавателя). В этой связи возникает вопрос, подпадает ли оно под правовой режим исполнений – объектов смежных прав? Положительный ответ на этот вопрос был ранее дан Н.В. Бузовой, по мнению которой, «…любой преподаватель каждый раз при проведении лекционного занятия (чтении лекции)… создает дополнительный результат интеллектуальной деятельности – исполнение и является автором своего исполнения (исполнителем) (ст. 1313 ГК РФ)… представляется, что в ст. 1313 ГК РФ слово «читает» целесообразно понимать более широко: рассказывает, сообщает, представляет информацию в устной форме посредством произнесения слов. Анализ данной статьи показывает, что преподаватель-лектор обладает всеми необходимыми характеристиками, чтобы признаваться исполнителем: является гражданином (физическим лицом); создает свое исполнение творческим трудом… При чтении лекции лектор расставляет акценты на более важных аспектах, при необходимости их повторяя. Как и любому другому артисту-исполнителю, донести содержание произведения до слушателя ему помогают не только его голос, но и мимика, жесты. Вне зависимости от содержания каждое прочтение одной и той же лекции в разные дни, на разные аудитории будет самостоятельным результатом интеллектуальной деятельности, так как в лекции лектор отражает свое настроение, внутреннее психологическое состояние… Лектор посредством чтения лекции исполняет свое произведение литературы» [6].

Данная точка зрения, несомненно, интересна и, в целом, конечно, заслуживает поддержки. Тем не менее отнесение преподавателя к «артистам-исполнителям» с позиции буквального толкования ст. 1313 ГК РФ представляется небесспорным. С одной стороны, можно согласиться с приведенным выше мнением

уважаемого автора, что преподаватель-лектор обладает всеми необходимыми характеристиками, чтобы признаваться исполнителем. Он действительно является творцом исполнения и, безусловно, тем самым человеком, который придает охраняемому произведению внешнюю форму. Между тем можно ли причислить его к тем самым «артистам», к которым в ст. 1313 ГК РФ отнесены актеры, певцы, музыканты, танцоры и пр.?

Для ответа на поставленный вопрос следует, прежде всего, определиться с тем, кто такой артист.

Понятие «артист» не является правовым. Согласно онлайн-словарю Ожегова, артист – это «творческий работник, занимающийся публичным исполнением произведений искусства (актер, певец, музыкант) [7]». Правовая дефиниция «творческий работник» раскрывается в ст. 3 Основ законодательства Российской Федерации о культуре (далее – Основы), по общему смыслу которой данное понятие распространяется на авторов литературных, научных и художественных произведений, артистов-исполнителей, производителей фонограмм, *создающих и интерпретирующих культурные ценности*. При этом *культурными ценностями*, в соответствии с данным нормативным актом, являются нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, *произведения культуры и искусства*, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты, а *творческой деятельностью* – их создание и интерпретация (ст. 3 Основ).

Думается, что преподаватель высшей школы под приведенное определение творческого работника подпадает весьма условно, так как создает и интерпретирует, *прежде всего*, произведения *научной литературы*. Его статус определен в ст. 47 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»

от 29.12.2012 № 273-ФЗ (далее – Закон об образовании), согласно которой он является педагогическим работником, то есть физическим лицом, которое состоит в трудовых, служебных отношениях с организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и выполняет обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности (ст. 2 названного Закона). Вместе с тем труд преподавателя, оригинально и уникально читающего лекции, без сомнений, является творческим, в связи с чем, он, безусловно, должен наделяться исполнительскими правами и быть отнесен законом к исполнителям, *но не к артистам, а иным лицам, связанным с творческим трудом*.

В свете сказанного необходимо обратить внимание на еще один важный момент, который следует из ст. 1304 ГК РФ, посвященной объектам смежных прав. По смыслу подп. 1 п. 1 названной нормы исполнения охраняются как объекты смежных прав только в том случае, если они выражаются в форме, допускающей их воспроизведение и распространение с помощью технических средств. Иными словами, исполнение (в рассматриваемом случае – чтение лекции) в качестве объекта смежных прав будет охраняться только в случае его фиксации на материальном носителе, тогда как фиксация каждой лекции преподавателя – это скорее исключение, нежели правило. Следовательно, даже если рассматривать преподавателя высшей школы с позиции части четвертой ГК РФ в качестве артиста – исполнителя, то этого все равно будет недостаточно для того, чтобы считать прочтение лекции объектом смежных прав – исполнением. Упомянутые положения, однако, подвергаются справедливой критике в доктрине. В частности, учеными указывается на то, что «данная норма… вступает в противоречие со ст. 7 Римской конвенции и ст. 6 Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам, участником которых является Российская Федерация, вследствие чего ее следует считать не подлежащей применению» [8].

Сказанное позволяет сделать промежуточный вывод о том, с позиции действующего законодательства об интеллектуальных правах лекция преподавателя высшей школы является охраняемой интеллектуальной собственностью, которая должна рассматриваться не только как произведение – объект авторских прав, но и как исполнение – объект смежных прав. Вместе с тем буквальное толкование действующего законодательства в настоящее время не позволяет сделать однозначный вывод о наделении преподавателя исполнительскими правами. В этой связи видится целесообразным внести в него изменения и не только расширить субъектный состав исполнителей, дополнив его иными лицами, творческим трудом которых может быть создано исполнение, но и исключить из него положения, связывающие охраноспособность исполнения с его воспроизведением с помощью технических средств.

Интеллектуальные права на лекции

Как известно, интеллектуальные права – явление сложное, а их правовая природа является предметом многочисленных научных дискуссий [9] и диссертационных исследований [10].

Систему интеллектуальных прав в России составляют три вида гражданских прав: исключительное право, личные неимущественные права и иные права. При этом исключительное право возникает в отношении каждого вида интеллектуальной собственности, а личные неимущественные права и иные права только в случаях, предусмотренных ГК РФ (ст. 1226 ГК РФ). По смыслу упомянутой нормы, указанные права признаются, в том числе, и на рассматриваемые в настоящей статье лекции преподавателей высшей школы, которые мы будем и далее, опираясь на сказанное выше, рассматривать с позиции двух правовых режимов.

Итак, если посмотреть на систему интеллектуальных прав преподавателя на созданный им в результате самостоятельного творческого труда лекционный материл, то она представлена

в ст. 1255 ГК РФ. Согласно названной норме, автору произведения (преподавателю), принадлежат исключительное право, личные неимущественные права (право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование произведения) и другие права (право на вознаграждение за служебное произведение, право на отзыв, право следования, право доступа к произведениям изобразительного искусства). Что касается системы интеллектуальных прав на исполнения, то она, согласно п. 1 ст. 1315 ГК РФ, состоит из исключительного права на исполнение и таких личных неимущественных прав, как право авторства, право на имя и право на неприкосновенность исполнения.

Для преподавателя высшей школы написание и прочтение лекции – неотъемлемая часть профессиональной деятельности. В этой связи, если данный материал создается и читается в пределах установленных для него трудовых обязанностей, то такой материал является либо служебным произведением (ст. 1295 ГК РФ), либо исполнением, созданным в порядке служебного задания (1320 ГК РФ). В этой связи исключительные права на названные результаты интеллектуальной деятельности, *по общему правилу*, будут принадлежать работодателю – *высшему учебному заведению*, а преподаватель в случае их использования работодателем или передачи на него прав другому лицу, будет иметь право на вознаграждение, являющееся неотчуждаемым и не переходящим по наследству (п. 2 ст. 1295 ГК РФ, ст. 1320 ГК РФ). Вместе с тем, если исключительное право остается у автора (что возможно, так как приведенные выше нормы являются диспозитивными), то вуз имеет право использования служебных РИД на условиях простой (неисключительной) лицензии. При этом пределы такого использования, размер, условия и порядок выплаты вознаграждения должны определяться договором между учебным заведением и преподавателем, а в случае возникновения спора – судом (п. 3 ст. 1295 ГК РФ). Подчеркнем при этом, что написание и прочтение лекции может и не яв-

ляться служебным произведением (исполнением) преподавателя. Примером сказанного могут являться видеолекции, которые нередко создаются с конкретной целью и в трудовые обязанности не включаются. В доктрине в этой связи справедливо отмечается, что: «обычно это специально прочитанные лекции, они не являются служебными исполнениями» [11].

Что касается личных неимущественных прав преподавателя, то здесь следует особенно подчеркнуть, что данные права не переходят к работодателю, всегда остаются у автора и не участвуют в гражданском обороте, что, безусловно, следует учитывать при использовании созданной им интеллектуальной собственности. Вместе с тем отдельная судебная практика демонстрирует, что нередко названные права недооцениваются, причем в некоторых случаях не только высшими учебными заведениями[1], но и отдельными руководителями самих преподавателей, получивших доступ к служебным произведениям[2], что, на наш взгляд, является недопустимым и с позиции действующего законодательства об интеллектуальных правах, и с точки зрения профессиональной этики.

Место лекции в современных цифровых реалиях

Как уже было отмечено ранее, правовые вопросы, связанные с размещением лекционного материала преподавателей на образовательных онлайн-платформах, являются в настоящее время чрезвычайно актуальными и важными. Ранее мы озвучили два вопроса, поставленных перед научным сообществом Р.И. Ситдиковой, общий смысл которых сводится к тому,

---

1 См. подробней: Определение Верховного Суда РФ от 24.05.2011 № 5-В11-32 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2022).

2 См. подробней: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.10.2020 № 88-4561/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2022).

насколько правомерно размещение лекционного материала на цифровых платформах и как он будет использоваться. С целью найти на них ответы обратимся к действующему законодательству и для начала законодательству об образовании.

В соответствии со ст. 13 Закона об образовании при реализации образовательных программ используются различные образовательные технологии, в том числе электронное обучение. Согласно п. 2 ст. 16 Закона об образовании, организации, осуществляющие образовательную деятельность, вправе применять электронное обучение, дистанционные образовательные технологии при реализации образовательных программ в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. По смыслу п. 3 приведенной нормы при реализации образовательных программ с применением исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий в организации, осуществляющей образовательную деятельность, *должны быть* созданы условия для функционирования электронной информационно-образовательной среды, включающей в себя, прежде всего, электронные информационные ресурсы и электронные образовательные ресурсы.

Исходя из п. 3 ст. 47 Закона об образовании, педагогический работник, в том числе, имеет право на свободу выбора и использования педагогически обоснованных форм, средств, методов обучения и воспитания, право на творческую инициативу, разработку и применение авторских программ и методов обучения и воспитания в пределах реализуемой образовательной программы. При этом по смыслу п. 1 ст. 48 упомянутого нормативного акта педагогические работники обязаны обеспечивать в полном объеме реализацию преподаваемых учебных предмета, курса, дисциплины (модуля) в соответствии с утвержденной рабочей программой.

Следовательно, преподаватель высшей школы вправе самостоятельно решать, какими средствами и методами доносить свои лекции до студентов, главное, чтобы при этом была обес-

печена реализация учебной дисциплины согласно программе. Вместе с тем, для функционирования в вузе электронной информационно-образовательной среды наличие электронных информационных и образовательных ресурсов, согласно приведенному нормативному акту, необходимо. В этой связи становится очевидной важность наличия у высшего учебного заведения исключительного права на цифровой образовательный контент (в рассматриваемой статье – лекционный материал).

Поэтому рассмотрим названный вопрос с позиции законодательства об интеллектуальных правах, где учтем следующее.

Во-первых, размещение лекций на цифровой образовательной платформе представляет собой такой способ использования произведений и исполнений, как доведение до всеобщего сведения (п. 11 ст. 1270 ГК РФ, подп. 3 п. 2 ст. 1317 ГК РФ), правовое значение которого для данных РИД является идентичным.

Что такое доведение до всеобщего сведения? В доктрине указывается: «Поскольку непосвященный человек никогда не сможет догадаться, что же это такое, необходимо сделать пояснение: здесь имеется в виду помещение произведения в сеть Интернет, а также дальнейшее использование произведения в сети Интернет. Когда произведение размещается в Интернете – в открытом режиме или с возможностью ознакомления с ним (или «скачивания» его) за плату, пользователи могут по своему собственному выбору получить доступ к такому произведению, ознакомиться с ним и «скачать» [5, с. 233]. При этом необходимо сделать акцент на том, что весь образовательный контент в виде лекций (их конспектов или видеозаписей), доведенный до всеобщего сведения на образовательной платформе, вне рамок его свободного использования может быть использован только с согласия правообладателя (ст.ст. 1229, 1270, 1317 ГК РФ).

Напомним, что исключительные права на данный контент *по общему правилу принадлежат вузу*, а личные неимущественные и иные права – преподавателю. Сказанное означает, что использование данных результатов интеллектуальной деятельности пу-

тем доведения их до всеобщего сведения – прерогатива вуза (правообладателя), который в этом, безусловно, заинтересован, исходя из п. 3 ст. 16 Закона об образовании. Если же работодатель и работник договорились об ином, и исключительное право на созданные им результаты интеллектуальной деятельности осталось у преподавателя, то тогда никакое согласие получать не требуется. Однако при этом следует учитывать, что учебное заведение в этом случае также вправе использовать указанные результаты на условиях простой (неисключительной) лицензии, что означает возможность доведения образовательного контента до всеобщего сведения самим работодателем (если, конечно, такой способ использования упомянут в лицензионном договоре).

Во-вторых, следует также учитывать, что доведенный до всеобщего сведения лекционный контент попадает в интернет-пространство, где существует высокая вероятность не только его копирования и размещения на чужих ресурсах без согласия правообладателя, но и неправомерного использования с целью извлечения прибыли, например, для обучения в различных онлайн-школах. В этой связи представляется, что на образовательных платформах должны действовать различные *технические средства защиты авторских и смежных прав*, например, компьютерные приложения, блокирующие попытки копирования документов и скачивания образовательного видео в полном объеме, а также позволяющие эффективно проводить поиск нелегально используемого контента в сети Интернет, возможность применения которых прямо предусмотрена действующим законодательством (ст.ст. 1299, 1309 ГК РФ). Кроме того, видится целесообразным размещение на указанных платформах *в обязательном порядке* информации о наличии интеллектуальных прав на лекционный цифровой контент с указанием его правообладателя и об ответственности (гражданской, уголовной, административной) за нарушение прав на интеллектуальную собственность.

Выводы

Подводя итог сказанному, выделим главное:

1. С позиции действующего законодательства об интеллектуальных правах лекция преподавателя высшей школы, существующая в современных цифровых реалиях, является охраняемой интеллектуальной собственностью, которая, несмотря на некоторые весьма спорные формулировки ГК РФ, должна рассматриваться не только как произведение – объект авторских прав, но и как исполнение – объект смежных прав.

2. Между тем наделение преподавателя правовым статусом исполнителя с позиции буквального толкования действующего законодательства видится весьма приблизительным, поскольку, во-первых, преподаватель не артист, а педагог, а во-вторых, фиксация каждой лекции преподавателя – это скорее исключение, нежели правило. В этой связи представляется целесообразным внести изменения в действующее законодательство и не только расширить субъектный состав исполнителей, дополнив его *иными лицами, творческим трудом которых может быть создано исполнение*, но и исключить из него положения, связывающие охраноспособность исполнения с его воспроизведением с помощью технических средств.

3. Система интеллектуальных прав на лекции зависит от результата интеллектуальной деятельности, на который они возникают, и представлена исключительными, личными неимущественными, а применительно к произведениям, также иными правами. Важно при этом подчеркнуть, что, по общему правилу, исключительные права на лекции будут принадлежать работодателю, а преподаватель в случае использования произведения работодателем или передачи на него прав другому лицу будет иметь право на вознаграждение, являющееся неотчуждаемым и не переходящим по наследству. Вместе с тем, если исключительное право остается у автора, вуз имеет право исполь-

зования служебных результатов интеллектуальной деятельности на условиях простой (неисключительной) лицензии.

4. Размещение лекций на образовательной онлайн-платформе представляет собой такой способ использования произведений и исполнений, как доведение до всеобщего сведения. Поскольку исключительные права на названные результаты интеллектуальной деятельности, по общему правилу, принадлежат вузу, то использование названных объектов указанным способом является не только его прерогативой, но также обязанностью согласно Закону об образовании. Если же работодатель и работник договорились об ином и исключительное право осталось у автора (преподавателя), то вуз в этом случае также вправе использовать указанные результаты на условиях простой (неисключительной) лицензии, если такой способ использования, как доведение до всеобщего сведения, в ней поименован.

5. В связи с тем, что лекции преподавателей, размещенные на цифровых платформах, попадают в весьма уязвимую с точки зрения права интернет-среду, на указанных платформах должны действовать различные технические средства защиты авторских и смежных прав (компьютерные приложения), блокирующие попытки копирования документов и скачивания образовательного видео в полном объеме, а также позволяющие эффективно проводить поиск нелегально используемого образовательного контента в сети Интернет. Кроме того, видится целесообразным размещение на указанных платформах информации о наличии интеллектуальных прав на лекционный цифровой контент с указанием его правообладателя и об ответственности (гражданской, уголовной, административной) за нарушение прав на интеллектуальную собственность.

Список источников

1. XXX международная конференция «Три десятилетия российского медийного законодательства: итоги и перспективы».

[Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=Xj1ZdnTri4U (дата обращения: 21.03.2022).
2. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1989. С. 259.
3. Захаркина А.С., Кирдяшова Е.В., Ибрагимова С.А. Авторская лекция как показатель профессионализма преподавателя // ОГАРЕВ-ONLINE. 2014. № 6. С. 1. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskaya-lektsiya-kak-pokazatel-professionalizma-prepodavatelya/viewer (дата обращения: 21.03.2022).
4. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 32.
5. Гаврилов Э.П., Еременко В.И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М.: Экзамен, 2009. С. 180. (Автор текста Э.П. Гаврилов).
6. Бузова Н.В. Преподаватель как субъект исполнительских прав // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2020. № 3. С. 2.
7. Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс] URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=704 (дата обращения 21.03.2022).
8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвертая: Учебно-практ. коммент. / Под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2016. С. 277. (Автор текста Н.В. Иванов).
9. Ревинский О.В. Как понимать интеллектуальные права? // Патенты и лицензии. 2008. № 8. С. 2.
10. Серебрякова Д.Ш. Имущественная составляющая интеллектуальных прав: Дисс. канд. юрид. наук. М., 2017.
11. Гаврилов Э.П. Как развивается право интеллектуальной собственности в России? // Патенты и лицензии. 2021. № 1. С. 23–28.

References

1. XXX mezhdunarodnaya konferenciya «Tri desyatiletiya rossijskogo medijnogo zakonodatel'stva: itogi i perspektivy». URL: https://www.youtube.com/watch?v=Xj1ZdnTri4U (21.03.2022) (in Russ.).
2. Slovar' russkogo yazyka: Ok. 57 000 slov (1989) Pod red. chl.-korr. AN SSSR N.Yu. Shvedovoy. 20-e izd., stereotip. M.: Rus.yaz. S. 259 (in Russ.).

3. Zaharkina A.S., Kirdyashova E.V., Ibragimova S.A. (2014) Avtorskaya lekciya kak pokazatel' professionalizma prepodavatelya. *OGARYOV-ONLINE*. № 6. S. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskaya-lektsiya-kak-pokazatel-professionalizma-prepodavatelya/viewer (21.03.2022) (in Russ.).
4. Serebrovskij V.I. (1956) Voprosy sovetskogo avtorskogo prava. M.: AN SSSR Publ. S. 32 (in Russ.).
5. Gavrilov E.P., Eremenko V.I. (2009) Kommentarij k chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii (postatejnyj). M.: Ekzamen Publ. S. 180. (Avtor teksta E.P. Gavrilov) (in Russ.).
6. Buzova N.V. (2020) Prepodavatel' kak sub"ekt ispolnitel'skih prav. *Patenty i licenzii. Intellektual'nye prava*. № 3. S. 2 (in Russ.).
7. Tolkovyj slovar' Ozhegova onlajn. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=704 (21.03.2022) (in Russ.).
8. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii. CHast' chetvertaya: Uchebno-prakt. komment (2016) Pod red. A.P. Sergeeva. M.: Prospek,. S. 277 (Avtor teksta N.V. Ivanov) (in Russ.).
9. Revinskij O.V. (2008) Kak ponimat' intellektual'nye prava? *Patenty i licenzii*. № 8. S. 2 (in Russ.).
10. Serebryakova D.SH. (2017) Imushchestvennaya sostavlyayushchaya intellektual'nyh prav: Diss. kand. yurid. nauk. Moscow (in Russ.).
11. Gavrilov E.P. (2021) Kak razvivaetsya pravo intellektual'noj sobstvennosti v Rossii? *Patenty i licenzii*, № 1. S. 23–28 (in Russ.).

Статья поступила 23.03.2022, принята к публикации: 11.04.2022.

© Сергеева Н.Ю., 2022

Копирайт, 2022, № 2, с. 107-115 ISSN 2307-2741
Copyright. 2022. No. 2. P. 107-115. ISSN 2307-2741

Научная школа

Становление доктрины недобросовестного использования (злоупотребления правом) в сфере защиты прав на товарные знаки в странах прецедентного права

Научная статья
УДК 347

Руслан Фуатович Гафуров [1, 2]
[1] Nevsky IP Law, Москва, Россия
старший юрист
[2] Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
аспирант
ruslan-gafurov@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматривается история становления доктрины неправомерного использования или злоупотребления правом в одной из стран прецедентного права. Суды обнаружили, что в некоторых случаях, несмотря на формальное соответствие исковых требований закону, истец осуществляет действия по защите своих прав недобросовестно, и удовлетворение его требований явным образом может повлечь неблагоприятные последствия для гражданского оборота. Именно*

для таких случаев в некоторых странах прецедентного права предлагается использовать доктрину неправомерного использования. Анализ этой доктрины проводится в исторической перспективе на основании ее действия сначала в авторском и патентном праве, а потом в сфере товарных знаков. Автор заключает, что на сегодняшний день степень разработанности этой доктрины в таких странах нельзя признать полностью развитой и независимой.

Ключевые слова: товарные знаки, злоупотребление правом, доктрина неправомерного использования, товарные знаки в странах прецедентного права.

Для цитирования: Гафуров Р.Ф. Становление доктрины недобросовестного использования (злоупотребления правом) в сфере защиты прав на товарные знаки в странах прецедентного права // Копирайт. 2022. № 2. С. 107–115.

The Emergence of the Doctrine of Misuse (Abuse of Right) in the protection of trademark rights in countries of case law

Ruslan F. Gafurov [1, 2]

[1] Nevsky IP Law, Moscow, Russia
Senior Associate

[2] Russian State Academy of Intellectual Property,
Postgraduate student
ruslan-gafurov@mail.ru

Abstract. *This article reviews the history of the formation of the doctrine of misuse or abuse of right in countries of case law. Courts have found that in some cases, despite the formal compliance of the plaintiff's claims with the law, it is obvious that the plaintiff himself*

is a person in bad faith, and the satisfaction of his claims may clearly have adverse consequences for the civil turnover. It is for such cases that the use of the doctrine of misuse is proposed in the countries of case law. The analysis of this doctrine is conducted on the basis of its operation first in copyright and patent law, and then in the field of trademarks. The author concludes that at present the degree of development of this doctrine in the countries of case law reserves much to be desired.

Key words: trademarks, abuse of right, misuse doctrine, trademarks in the countries of case law.

For citation: Gafurov R.F. The Emergence of the Doctrine of Misuse (Abuse of Right) in the protection of trademark rights in countries of case law // Copyright. 2022. No. P. 107–115.

В связи с активным развитием информационных технологий, позволяющих размещать, получать и преобразовывать информацию в сотни раз быстрее, чем, например, сто лет назад, вопрос об абсолютной защите любого интереса правообладателя объекта интеллектуальной собственности все больше оппонирует интересам широкого круга лиц – потребителей и общества в целом.

Вопросы легальной монополии на объекты интеллектуальной собственности всегда становились объектом дискуссий, т.к. для государства важно сохранить баланс между интересами правообладателя и потребителей.

Применительно к странам прецедентного права этот спор не стал исключением. Например, американское право практически сразу восприняло облигаторный принцип защиты регистрируемой интеллектуальной собственности [1, с. 13]. Т. Джефферсон указывал, что легальная монополия объекта интеллектуальной собственности нужна не для того, чтобы предоставить правообладателю его естественное право, а чтобы стимулировать его к новым открытиям [2, с. 92–93].

Однако на сегодняшний день развитие Интернета привело к тому, что многие объекты интеллектуальной собственности в странах прецедентного права, в том числе товарные знаки, активно используются различными пользователями в информационных целях или в целях пародии. Не все правообладатели этим довольны, в связи с чем предъявляют в суд иски для защиты своего права, в том числе, в связи с возможным смешением. Уильям И. Риджуэй полагает, что такие случаи вызывают сильное беспокойство и требуют применения доктрины недобросовестного использования, т.к. в этом случае защита товарных знаков осуществляется в противоречии с назначением самого этого института [3, с. 1548].

Доктрина недобросовестного использования получила наибольшее развитие в патентном и авторском праве.

В ранних решениях американские суды последовательно отклоняли аргументы о защите от ненадлежащего использования патента, потому что это противоречило их взглядам на собственность как на естественное право [4]. Со временем они стали относиться к таким аргументам как к способу ограничить существовавшую тогда неуклюжую доктрину сопутствующего нарушения [3, с. 1551].

Однако основополагающее решение Верховного суда США, касающееся доктрины ненадлежащего использования в интеллектуальной собственности, не было принято до дела Morton Salt Co. v. G.S. Suppinger Co [3, с. 1551]. Истец в этом деле владел патентом на устройство для укладки таблеток соли в банки для пищевых продуктов и сдавал такие устройства в аренду коммерческим консервным заводам при условии, что арендаторы покупают соль только у его дочерней компании. Суд признал незаконным то, что патентообладатель связывал продажу запатентованного товара с продажей незапатентованного товара (соли), и постановил, что такое поведение, пока оно не будет устранено, исключает принудительную защиту патентных прав. При этом был применен принцип,

согласно которому суд вправе отказать в защите, если истец использует право вопреки общественным интересам.

В двух последующих решениях по делу Mercoid [5] Верховный суд США расширил доктрину недобросовестного использования таким образом, что фактически устранил возможность патентообладателя препятствовать конкуренту в производстве и продаже компонента, не имеющего иного применения, кроме как в качестве части запатентованного изобретения.

В этот же момент Конгресс США возродил доктрину сопутствующего нарушения, чтобы ограничить сферу применения доктрины ненадлежащего использования патентов. Эти действия стали началом сокращения сферы применения доктрины ненадлежащего использования в патентном праве. Ученые в основном также поддержали сокращение применения доктрины, поскольку неправомерное использование является слишком неэкономичным для антимонопольного законодательства и слишком непредсказуемым для патентного права [6].

Вопреки сокращению сферы применения доктрины ненадлежащего использования в патентном праве эта доктрина получила второе дыхание в авторском праве в связи с делом Lasercomb America, Inc. против Рейнольдса [7]. В этом деле ответчик в качестве аргумента привел доктрину ненадлежащего использования, основываясь на положении стандартного лицензионного соглашения компании Lasercomb, которое запрещало лицензиату создавать конкурирующий продукт в течение ста лет.

Суд прямо указал, что защита от злоупотребления авторским правом присуща законодательству об авторском праве в такой же степени, как защита от злоупотребления правом в патентном праве. Самым важным результатом этого дела стало то, что суд сослался на право справедливости для применения доктрины ненадлежащего использования. Суд ука-

зал, что авторское право используется истцом в нарушение государственного порядка и политики в области авторского права.

Другие суды поддержали данный вывод и также сделали значительный вклад в формирование доктрины ненадлежащего использования в сфере авторских прав [3, с. 1552–1553].

В отношении товарных знаков доктрина недобросовестного использования, напротив, изначально активно применялась судами.

Впервые к спору о товарных знаках ее применили задолго до других институтов интеллектуальной собственности.

Так, в деле 1883 г., Manhattan Medicine Co. против Вуда, истец предъявил иск о запрете использования обозначения конкурентом в связи с имитацией медицинского продукта истца «Растительные физические биттеры Этвуда против желтухи». Несмотря на полную идентичность упаковки ответчика, суд отказался удовлетворить иск, поскольку на упаковках истца ложно утверждалось, что она «изготовлена Мозесом Этвудом в Джорджтауне, штат Массачусетс». Поскольку эти заявления могли ввести общественность в заблуждение, суд не мог оказать содействие такому обману, удовлетворив иск [3, с. 1553].

Аналогичным образом Верховный суд США отказал недобросовестному владельцу товарного знака несколько десятилетий спустя в деле Clinton E. Worden & Co. v. California Fig Syrup Co [8]. Суд указал, если правообладатель товарного знака обращается с иском о запрете использования к ответчику, т.к. тот способен ввести потребителей в заблуждение, максимально важно, чтобы истец сам не использовал ложные или вводящее в заблуждение сведения.

В современных судебных спорах суды очень редко применяют доктрину ненадлежащего использования товарных знаков в отношении недобросовестной конкуренции, и еще реже они прибегают к принципам права справедливости.

Большая часть утверждений ответчиков о доктрине ненадлежащего использования товарного знака вытекает из антимонопольных правил. Например, в деле Carl Zeiss Stiftung v.V. E. B. Carl Zeiss, Jena [9] ответчик заявил, что истец злоупотребил правом при защите своих товарных знаков путем установления цен и антиконкурентных соглашений. Хотя суд и отказал в иске, он основывался только на положениях антимонопольного законодательства. Суд также провел разграничение между патентами и товарными знаками, подчеркнув, что первые влекут за собой ограниченную монополию, в то время как вторые предоставляют лишь права для предотвращения смешения и не несут угрозы для свободной конкуренции.

Доктрина ненадлежащего использования редко применяется в законодательстве о товарных знаках. Что касается антиконкурентного поведения, суды признают доктрину, но редко решают споры на ее основе, поскольку товарные знаки не дают возможность правообладателю занять с их помощью доминирующее положение на рынке. Доктрина, основанная на праве справедливости, еще менее развита: суды иногда по своему усмотрению отказывают в удовлетворении иска, но не признают злоупотребление правом в качестве независимой доктрины [3, с. 1557].

Таким образом, доктрина недобросовестного использования товарных знаков в США берет свое начало независимо от других областей права интеллектуальной собственности, однако многое почерпнула из применения ее к патентному и авторскому праву. На настоящий момент нельзя признать эту доктрину полностью развитой и независимой, тем не менее существуют дела, раскрывающие важные критерии признания действий лица, обращающегося за защитой своего права, злоупотреблением правом, например, если лицо само использует обозначение недобросовестно или ложно.

Список источников

1. Ворожевич А.С. Правовая охрана изобретений и полезных моделей: учебное пособие для магистров. М.: Проспект. 2017. 192 с.
2. Francis W., Collins R. (1987) Cases and Materials on Patent Law: Including Trade Secrets – Copyrights – Trademarks. Ed. 6. West Group. 1009.
3. William E. Ridgway (2006). Revitalizing the Doctrine of Trademark Misuse. 21 Berkeley Tech. T.J 1547.
4. Mossoff A. (2007) Who Cares What Thomas Jefferson Thought About Patents? Reevaluating the Patent 'Privilege' in Historical Context, 92 *CORNELL L. REV.* URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=892062.
5. Mercoid Corp. v. Mid-Continent Co (1944). 320 U.S. 661, 665. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/320/661/.
6. Mark A. Lemley. (1990) Comment, The Economic Irrationality of the Patent Misuse Doctrine, 78 *CALIF. L. REV.* 1599. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2125301.
7. Lasercomb America, Inc. v. Reynolds (1990) 911 F.2d 970 (4th Cir. 1990). URL: https://casetext.com/case/lasercomb-america-inc-v-reynolds.
8. Clinton E. (1903) Worden & Co. v. California Fig Syrup Co 187 U.S. 516. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/187/516/.
9. Carl Zeiss Stiftung v. V. E. B. Carl Zeiss (S.D.N.Y. 1969). Jena 298 F. Supp. 1309. URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/298/1309/1868606/.

References

1. Vorozhevich A.S. (2017) Pravovaya ohrana izobretenij i poleznyh modelej: uchebnoe posobie dlya magistrov. Moskva: Prospekt. 192 s. (in Russ.).
2. Francis W., Collins R. (1987) Cases and Materials on Patent Law: Including Trade Secrets – Copyrights – Trademarks. Ed. 6. West Group. 1009.
3. William E. Ridgway (2006). Revitalizing the Doctrine of Trademark Misuse. 21 Berkeley Tech. T.J 1547.

4. Mossoff A. (2007) Who Cares What Thomas Jefferson Thought About Patents? Reevaluating the Patent 'Privilege' in Historical Context, 92 *CORNELL L. REV.* URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=892062.
5. Mercoid Corp. v. Mid-Continent Co (1944). 320 U.S. 661, 665. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/320/661/.
6. Mark A. Lemley. (1990) Comment, The Economic Irrationality of the Patent Misuse Doctrine, 78 *CALIF. L. REV.* 1599. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2125301.
7. Lasercomb America, Inc. v. Reynolds (1990) 911 F.2d 970 (4th Cir. 1990). URL: https://casetext.com/case/lasercomb-america-inc-v-reynolds.
8. Clinton E. (1903) Worden & Co. v. California Fig Syrup Co 187 U.S. 516. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/187/516/.
9. Carl Zeiss Stiftung v. V. E. B. Carl Zeiss (S.D.N.Y. 1969). Jena 298 F. Supp. 1309. URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/298/1309/1868606/.

Статья поступила 21.04.2022, принята к публикации: 10.05.2022.

© Гафуров Р.Ф., 2022

Копирайт

Вестник
Российской государственной академии
интеллектуальной собственности

Научное издание

Выпускающий редактор *О.А. Флягина*

Подписано в печать 31.05.2022. Формат 70х100/16
Печать офсетная. Объем 7,25 усл. п.л. Тираж 1000 экз.
Зак. 1

ФГБОУ ВО РГАИС 117279, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а

Отпечатано в ФГБОУ ВО РГАИС
117279, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а